

ФУТБОЛ КОТОРЫЙ МЫ ПОТЕРЯЛИ

ГЕОРГИЙ ЯРЦЕВ

ГЕННАДИЙ
ЕВРЮЖИХИН

БОРИС
КОПЕЙКИН

ВЛАДИМИР
ФЕДОРОВ

ЛЕВ ЯШИН

ЕВГЕНИЙ
ЛОВЧЕВ

ВАЛЕРИЙ
ВОРОНИН

ОЛЕГ
БЛОХИН

ДАВИД
КИПИАНИ

ВИТАЛИЙ
СТАРУХИН

ФЕДОР
ЧЕРЕНКОВ

ЭДУАРД
СТРЕЛЬЦОВ

ЭДУАРД
МАРКАРОВ

НЕПРОДАЖНЫЕ ЗВЕЗДЫ ЭПОХИ СССР

Федор Раззаков

**Футбол, который мы потеряли.
Непродажные звезды эпохи СССР**

«Центрполиграф»

2016

УДК 796/799
ББК 75.578

Раззаков Ф. И.

Футбол, который мы потеряли. Непродажные звезды эпохи СССР /
Ф. И. Раззаков — «Центрполиграф», 2016

В нынешнее время футбол превратился в бизнес, в некое шоу, в котором продается все и вся. За баснословные гонорары покупаются легионеры, которые, отыграв год-два в России, затем уезжают из страны и навсегда забывают о ее существовании. А местные футболисты кочуют из клуба в клуб в поисках заработка и боятся разве что одного – как бы не продешевить, продаваясь очередному хозяину. О чести клуба или страны такие спортсмены либо вообще не вспоминают, либо делают это крайне редко, поскольку такое нынче время – продажное. Однако были благословенные годы, когда футболисты умудрялись всю спортивную жизнь играть в одном-единственном клубе, не покупаясь даже на самые заманчивые посулы. Именно о таких непроданных футболистах и пойдет речь в этой книге.

УДК 796/799

ББК 75.578

© Раззаков Ф. И., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Лев в воротах	8
Футболист трагической судьбы	18
Футбольный денди	30
Бакинский «Пеле»	43
Правдоруб из «Спартака»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Федор Раззаков
Футбол, который мы потеряли.
Непродажные звезды эпохи СССР

ЛЕВ ЯШИН

ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

ВАЛЕРИЙ ВОРОНИН

ЭДУАРД МАРКАРОВ

ЕВГЕНИЙ ЛОВЧЕВ

ГЕННАДИЙ ЕВРЮЖИХИН

БОРИС КОПЕЙКИН

ОЛЕГ БЛОХИН

ВИТАЛИЙ СТАРУХИН

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

ВАДИМ КИРЯКОВ

© Ф. Раззаков, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Лев в воротах Лев Яшин, «Динамо», Москва

Этого человека звали «Гагариным советского футбола». И это не было преувеличением. Как и первый космонавт Земли, этот человек тоже стал олицетворением советского строя, его самым знаменитым и раскрученным брендом, известным даже в самых отдаленных уголках земного шара.

Лев Яшин родился 22 октября 1929 года в рабочей семье. В футбол начал играть чуть ли не сразу как встал на ноги и научился ходить. Мяч гонял везде: во дворе, в школе, на ближайшем к дому стадионе. Когда во время войны Яшин, как и тысячи советских подростков, пришел работать на один из оборонных заводов в Тушине (Яшин жил неподалеку – на Миллионной улице), любимым развлечением мальчишек в перерывах между работой был все тот же футбол. Причем настоящих мячей у них не было, поэтому они мастерили мяч из ветоши, перетянутой веревками.

Однажды на завод, где работал Лева, пришел тренер детско-юношеской футбольной школы Владимир Чечеров – хотел отобрать способных ребят в свою секцию. Когда отобрал, выстроил их по ранжиру и стал называть игровое амплу каждого: «Ты, Коля, будешь нападающим, ты, Петя, – защитником, а ты, Лева, встанешь на ворота». Как вспоминал позднее великий вратарь, его очень огорчило это, как ему тогда казалось, несправедливое назначение. Ведь он никогда не стоял в воротах, больше всего любил быть нападающим и забивать, забивать. А тут – вратарь. Однако спорить с тренером не осмелился. Как показали дальнейшие события, перстом тренера водило само Провидение.

После войны Яшин продолжал играть в футбол, теперь он защищал спортивную честь родного завода во взрослой команде. Стоит отметить, что на заре своей футбольной карьеры Яшин не производил большого впечатления на болельщиков. Играл он неровно – мог весь матч отстоять «сухим», демонстрируя феноменальную реакцию, а мог напропускать таких «бабочек», что трибуны буквально ревели: «Дырка!», «Решето!». Да и внешне Яшин выглядел в воротах не очень картинно: долговязый увалень (рост у него был 184 см), худой, с длинными руками и ногами.

В 1949 году Яшина призвали в армию, однако он пошел служить не в войска, а был взят вратарем в дублирующий состав футбольной команды столичного «Динамо» (до этого он какое-то время играл в динамовской молодежке у тренера Аркадия Чернышева). И стоял, мягко говоря, не блестяще. Однажды в матче со сталинградским «Трактором» на поле соперника пропустил гол от своего коллеги – вратаря. Смешно? Но так оно и было. Вратарь «трактористов» выбил сильным ударом мяч в поле. Тот взмыл в небо и, подхваченный порывом сильного ветра с моря, полетел к воротам москвичей. Яшин решил его поймать, выбежал навстречу, но внезапно столкнулся со своим защитником и упал на землю. А злосчастный мяч легко вкатился в его ворота. Говорят, трибуны чуть не рухнули от дружного хохота. Вместе со всеми над незадачливым голкипером смеялись и его одноклубники, игроки первого состава – Бесков, Карцев, Блинков, Соловьев.

Однако этот курьезный случай не перечеркнул вратарскую карьеру Яшина – тренеры и дальше продолжали ставить его в ворота. А летом 1950 года и вовсе решили доверить ему место вратаря в основном составе команды. Как показали дальнейшие события, Яшин к такому повороту был совершенно не готов.

Вспоминает Л. Филатов: «2 июля 1950 года состоялся матч «Динамо» – «Спартак». За «Спартак» в ту пору я болел открыто, напускать на себя респектабельную, швейцарскую нейтральность нужды не было. А страдать в тот день мне пришлось, мои продували 0:1, исполне-

нием всех желаний было – сквитать. За четверть часа до конца что-тостряслось с Хомичем (вратарь «Динамо». – *Авт.*), и его заменили. В воротах возник долговязый парень, который, как мне показалось, не знал, куда себя деть, либо от неумения, либо от робости. И от одного его растерянного вида в душе затеплилась надежда, что «Спартак» спасет матч. Так и произошло, долговязый парень принялся невпопад совершать странные движения и выпады и в конце концов наскочил на кого-то из своих (это был Блинков. – *Авт.*), ворота распахнулись настежь, и спартаковский центрфорвард Паршин выкатился кстатии мяч заколотил. Вместе со всем спартаковским лагерем я облегченно торжествовал и вышел на Ленинградское шоссе в приятном расположении духа. Тут во мне и шевельнулась жалость. Нетрудно представить, каково сейчас этому новенькому. У знатоков я выведал его фамилию – Яшин – и то, что он до этого отчебучил нечто подобное, играя за дублеров, поэтому, как говорили, из него вряд ли выйдет вратарь...»

Филатов был прав в своих подозрениях – Яшин после того матча был в настоящем отчаянии. Его вновь отправили в дубль, но спустя какое-то время ситуация повторилась: что-то случилось с основным вратарем Хомичем, и тренеры «Динамо» вновь позвали Яшина. И он в очередной раз отличился. При счете 4:1 в пользу «Динамо» умудрился пропустить подряд три мяча. Взбешенный тренер отдал команду заменить «дырявого» вратаря, однако в дело внезапно вмешался действующий игрок Константин Бесков. Махнув тренеру рукой, он крикнул: «Не надо, так доиграем!» – и вскоре вывел динамовцев вперед – забил пятый гол.

Несмотря на то что победный счет динамовцам удалось удержать, Яшин чувствовал себя паршиво. Именно тогда в нем созрело решение завязать с футболом, и он сменил бутсы на коньки – стал в ворота хоккейного «Динамо». И надо заметить, зарекомендовал себя на этом поприще с самой лучшей стороны. Вот как вспоминал об этом очевидец – комментатор Николай Озеров:

«Как сейчас помню этот день – 12 марта 1953 года. В решающем матче на Кубок Советского Союза по хоккею с шайбой встретились постоянные соперники, столичные команды – ЦСКА и «Динамо». Вопреки всем прогнозам, в напряженнейшей борьбе победили динамовцы – 3:2. Во многом успеху команды способствовал молодой вратарь Лев Яшин. Помню, я спросил у одного из лучших наших хоккеистов – Алексея Гурышева:

– Что можете сказать о динамовском вратаре Яшине?

– Великолепный спортсмен, – последовал ответ. – Уверен, что он еще не раз прославится в ледяных баталиях».

Между тем этот прогноз действительно сбывся, но несколько в ином качестве. Яшин действительно прославился, но не на ледяных площадках, а на футбольных полях. Дело в том, что весной 1953 года Яшин вернулся в дублирующий состав футбольной команды «Динамо».

Второй «заход» Яшина в футбол оказался намного успешнее первого. С каждым новым состязанием он набирался необходимого опыта, мастерства, и вскоре его уверенная игра, демонстрируемая в официальных матчах, заставила забыть о его прошлых неудачах. В 1953 году Яшина вновь поставили в ворота в основном составе «Динамо». И это был уже другой Яшин. Уверенный в себе, хладнокровный, надежный. Многие специалисты удивлялись такому поистине чудесному превращению.

С приходом в команду такого вратаря «Динамо» заиграло увереннее, смелее, и хотя в чемпионате Союза в 1953 году команда заняла лишь 4-е место, однако в розыгрыше Кубка СССР динамовцы стали победителями. Но особенно драматично сложился для Яшина и его команды следующий сезон. С самого старта чемпионата они захватили лидерство и последовательно переиграли «Спартак», тбилисское «Динамо», «Зенит», «Торпедо». Благодаря надежной игре Яшина динамовцы пропустили в первых 12 играх лишь 3 мяча (всего за чемпионат они пропустили 20 мячей). Чемпионами страны динамовцы стали досрочно – за один тур до окончания первенства. Правда, повторить прошлогодний успех в розыгрыше Кубка СССР

динамовцы не сумели. И в какой-то мере вина за это лежала на Яшине, который по ходу матча был удален за то, что в азарте борьбы ударил ногой игрока соперников. В итоге динамовцы тот матч проиграли.

В 1954 году Яшин был включен в состав первой сборной Советского Союза. Тогда в команде происходила смена поколений, и сборная практически формировалась из новых футболистов (от старого состава в ней остались лишь четыре человека). Свой первый матч в том сезоне наша сборная сыграла 8 сентября в Москве со сборной Швеции и провела его выше всяких похвал. Она разгромила скандинавов со счетом 7:0. Журналисты даже поспешили назвать тот матч «второй Полтавой». Однако специалисты считали иначе. Они говорили: «Шведы – не тот соперник, победой над которым стоит так гордиться. Посмотрим, что будет в игре с более сильным противником».

Игра с сильным противником не заставила себя долго ждать. Через две недели наша сборная встретилась с командой Венгрии, которая считалась одной из сильнейших в мире (в 1952 году венгры завоевали олимпийское «золото», а два года спустя «серебро» на чемпионате мира). Тот матч закончился ничейным результатом 1:1, что для нашей молодой сборной было равносильно победе. Касаясь игры Яшина, тренер венгерской сборной Г. Шебеш сказал: «Яшин – игрок, не имеющий громкого имени, но действующий на редкость уверенно, обладающий всеми необходимыми качествами, которых требует от спортсмена его амплуа».

1954 год завершился для Яшина радостным событием – он женился. Вспоминает его супруга Валентина Тимофеевна: «Слевой мы познакомились в конце 40-х на танцах. Мы оба были тушинские. Лева работал на одном из заводов, а я училась в плановом техникуме и работала экономистом. Жила вместе с братом, а он дружил с тренером Левиной заводской команды Иваном Шубиным. Однажды мы пошли в кино, опоздали к началу сеанса и в зрительный зал попали, когда свет уже погас. На этот же сеанс Шубин привел свою команду. И Яшин, с которым мы еще официально знакомы не были, галантно предложил мне вместо стула свой фибровый чемоданчик – были тогда такие, в них футболисты носили свою форму. Прошло какое-то время. Яшина призвали в армию и забрали в дубль московского «Динамо». А это уже кое-что. Однажды ребята в Тушине на стадионе говорят: «Сегодня Яшин приедет, можем познать». Приезжает: хиленький, тощенький, ножки в голенищах сапог болтаются. И забавно басит, протягивая руку: «Лев». Ну, думаю, если ты – Лев... Но симпатичный и, главное, вежливый. Подружка моя шепчет на ухо: вот кого он с танцев пойдет провожать последней – это и станет знаком судьбы. Именно меня Лева и проводил. Мы с ним несколько лет встречались. Причем не очень уж часто. Он был человек занятой – футболист. Раза три он исподволь намекал на совместную жизнь. Например, идем мимо витрины магазина, а он так мечтательно говорит: «Вот разбогатею, купим такой сервис!» А поженились как раз под Новый, 1955 год. Свадьбу сыграли на Маяковке, там у него комната в коммуналке была...»

В 1955 году спортивная карьера Яшина складывалась не менее успешно, чем в прошлом сезоне. Он во второй раз стал чемпионом страны (отстоял в воротах «Динамо» все 22 игры), прекрасно отыграл сезон в составе сборной (наши выиграли 6 матчей и два закончили вничью).

В следующем сезоне динамовцам не удалось совершить хет-трик (три раза подряд стать чемпионами), и они вынуждены были довольствоваться лишь «серебром» чемпионата. Однако для сборной тот год стал вехой – именно тогда наши футболисты сумели стать олимпийскими чемпионами. И немалая заслуга в этом принадлежала Льву Яшину.

Основу нашей тогдашней сборной составляли футболисты московского «Спартака» (он был чемпионом страны) – их в команде было 9 человек. От «Динамо» было всего трое – Л. Яшин, Б. Кузнецов и В. Рыжкин. Однако если двое последних выходили на поле не слишком часто, то Яшин проводил в игре львиную долю времени. Одну восьмую финала наша команда прошла легко, обыграв объединенную команду Германии, затем в четвертьфинале победила сборную Индонезии (причем в первой игре мы сыграли с индонезийцами вничью 0:0 и только

со второго захода победили – 4:0). Оба нуля на нашем табло были результатом великолепной игры Яшина. В полуфинале нашим соперником была сборная Болгарии. В основное время матч закончился вничью 0:0, после чего было назначено дополнительное время. Поначалу повезло болгарам, которые «распечатали» Яшина. Но потом инициативу перехватили советские спортсмены и, хотя играли вдесятером (был удален Тищенко), сумели забить два гола (отличились Стрельцов и Татушин).

В финале наша сборная встречалась с югославской и сумела одолеть и ее: 1:0. Как утверждают очевидцы, Яшин играл не просто хорошо, а блестяще. Это была одна из великолепнейших игр лучшего вратаря целой эпохи мирового футбола, поскольку тот спас свои ворота более пятнадцати раз.

На следующий день после этого фантастического матча на имя Яшина с родины пришла телеграмма от профессора Льва Ивановича Фаворского, который еще в 1912 году защищал ворота олимпийской сборной России. Текст телеграммы гласил: «Счастлив поздравить своего молодого коллегу и тезку с великой победой. То, о чем мечтало мое поколение спортсменов, – свершилось. Спасибо Вам за это». Эта телеграмма свидетельствовала о замечательной преемственности: советский спорт по праву продолжал традиции русского, дореволюционного.

После победы на Олимпиаде Льву Яшину было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

В союзном чемпионате 1957 года столичное «Динамо» вновь завоевало золотые медали. Правда, в том первенстве Яшин сыграл лишь в 12 матчах, а в десяти ворота команды защищал его напарник – Владимир Беляев.

Успешно отстоял Яшин тот сезон и в воротах сборной. Наши футболисты тогда готовились к предстоящему чемпионату мира, который должен был состояться в 1958 году в Швеции, и в рамках отборочного турнира провели пять матчей: дважды выиграли у финнов (причем в Хельсинки наши победили с рекордным счетом 10:0), один матч проиграли полякам, но два матча у них же выиграли. Таким образом наша сборная завоевала себе путевку на финальный турнир в Швеции. Однако тот чемпионат сложился для наших футболистов неудачно: они так и не сумели выйти из своей группы.

Большинством наших специалистов игра сборной СССР на чемпионате была оценена как неудачная. Но, ругая команду в целом, специалисты отмечали прекрасную игру отдельных наших игроков: Л. Яшина (он был признан одним из лучших вратарей чемпионата), Ю. Войнова (он был включен в символическую сборную мира).

Что касается внутреннего чемпионата, то в сезоне 1958 года «Динамо» не сумело отстоять чемпионский титул и заняло второе место, уступив лидеру – московскому «Спартаку» – одно очко.

К тому времени Яшин уже превратился в кумира миллионов советских граждан, его знали в лицо даже люди, которые были совершенно далеки от футбола (нынешним нашим футболистам такая слава может только присниться). В то время у большинства динамовских футболистов появились первые автомобили – «москвичи». И только Яшин приобрел себе «Волгу», но не потому, что хотел таким образом выделиться (ему это чувство было вообще чуждо), – просто в малогабаритном «москвиче» он не умещался.

По рассказам очевидцев, за рулем собственного автомобиля Яшин частенько нарушал правила дорожного движения. Однако ни разу не оказался виновником или участником какого-нибудь происшествия. Обычно, если его останавливали гаишники (тогда – орудовцы), вопрос улаживался в несколько секунд – узнав, кто за рулем, те отпускали его с миром. И лишь однажды вышло иначе. Яшина за превышение скорости тормознул гаишник, и Яшин, желая уладить дело миром, сказал: «Мы же оба – динамовцы». На что милиционер ответил: «Я болею за «Спартак». И сделал легендарному вратарю законную дырку в талоне.

В повседневной жизни Яшин был на редкость скромным человеком. Что-нибудь попросить, достать, выбить для себя он никогда не мог. В основном он просил за других. Любимым занятием вне футбола у него была рыбалка. Мог чуть ли не сутками сидеть с удочкой на берегу реки. Когда его приятель Никита Симонян спросил у него однажды: «Лева, ну какое удовольствие часами сидеть и ждать, когда клонет?» – Яшин ему ответил: «Смотришь на воду, на блесну, от всех треволнений отключаешься – мир прекрасен».

В общении со своими одноклубниками Яшин всегда старался быть ровным, никогда не позволял себе заносчивости. Хотя однажды не сдержался. Во время одной из игр он сделал замечание своему одноклубнику, а тот послал его «куда подальше». Когда матч закончился, Яшин вошел в раздевалку и первым делом подошел к тому грубияну и отвесил ему сильную затрещину. Свидетелем этого была вся команда, поэтому скрыть инцидент не удалось. Вопрос о безобразном поведении Яшина был вынесен на общее собрание. Яшин признал свою вину, обещал больше никогда не позволять себе подобного.

Однако вернемся к футболу. В сезоне 1959 года «Динамо» вновь выступило блестяще и вернуло себе звание чемпиона. Но в следующем году им пришлось довольствоваться лишь бронзовыми медалями.

В том же году наша сборная продолжила свое участие в розыгрыше Кубка Европы. Она выиграла у сборной Польши с разгромным счетом 7:1, благополучно миновала барьер в лице сборной Испании (франкистское правительство вынудило испанских футболистов отказаться от игры с советской сборной). 6 июля в Марселе состоялся полуфинал – наша сборная играла со сборной Чехословакии. Этот матч стал новым бенефисом Яшина, который не пропустил свои ворота ни одного мяча (а наши забили целых три).

В финальной игре нашей сборной противостояла команда Югославии. Начало матча складывалось для наших футболистов тяжело – Яшин пропустил нелепый мяч, отлетевший рикошетом от своего же игрока. И лишь во втором тайме советским футболистам удалось собраться, и сначала Метревели сравнял счет, а затем Понедельник поставил победную точку в этом матче. Наша сборная стала первым обладателем Кубка Европы. Газета «Юманите диманш» в те дни писала: «Советский вратарь по праву возглавляет список первых чемпионов нашего континента». Стоит отметить, что именно после этого чемпионата с головы Яшина исчезла его легендарная кепка, которую он неизменно носил все эти годы. Говорят, после финальной игры кто-то в суматохе стащил ее с головы Яшина (видимо, на память), а искать ей замену он не стал.

По итогам выступлений нашей сборной в 1960 году популярный французский еженедельник «Франс футбол» поставил ее на первое место в Европе. К сожалению, с тех пор нашей сборной больше ни разу не удавалось повторить этот успех.

Отличие от игр за сборную дела в родном динамовском клубе у Яшина складывались не самым лучшим образом. В сезоне 1961 года его клуб впервые за многие годы занял во внутреннем первенстве 11-е место. Специалисты стали всерьез поговаривать о кризисе популярного клуба. Однако уже в следующем сезоне «Динамо» вновь заиграло в свойственный ему наступательный футбол и сумело занять 2-е место. Но вот вам парадокс: как только дела родного клуба Льва Яшина пошли в гору, его карьера в сборной заметно осложнилась. Что же произошло?

В 1962 году наша сборная во второй раз участвовала в финальных играх чемпионата мира. Она попала в группу, в которую, помимо нее, входили сборные Уругвая, Югославии и Колумбии. Первую игру мы играли с югославами и выиграли ее 2:0. Затем нелепо оступились в игре с колумбийцами. Ведя 4:1, наши игроки расслабились и позволили сопернику свести матч вничью: 4:4. Сборную Уругвая наши ребята обыграли 2:1, но потратили столько сил, что их уже не хватило на игры с другими соперниками. В итоге в четвертьфинале советская сборная уступила средней команде Чили (она была хозяйкой чемпионата) со счетом 1:2.

После этого поражения сборная СССР вынуждена была прекратить борьбу за мировую корону и покинуть чемпионат. И во второй раз ее вынудила это сделать команда хозяев первенства (в 1958 году это были шведы).

Выступление нашей сборной на чемпионате мира большинством советских специалистов в области футбола было признано крайне неудачным. Однако особенно яростной критике подвергся наш вратарь Лев Яшин. Практически на него навешали всех собак, обвинив в неуверенной игре, которая передалась затем всей команде. Но это была неправда. Действительно, игра Яшина на том чемпионате была неровной, в частности, он допустил ряд непростительных ошибок в игре с Колумбией. Однако обвинять Яшина в пораженчестве, в том, что он утратил свое былое мастерство, было несправедливо. Просто у людей, писавших такое, оказалась слишком короткая память по отношению к человеку, который принес отечественному футболу столько славы. Вполне вероятно, что за этой критикой стояли влиятельные функционеры из Спорткомитета, которые давно уже мечтали убрать Яшина из сборной, считая его слишком старым для роли первого вратаря.

О серьезности ситуации, которая сложилась вокруг Яшина в дни после чемпионата в Чили, говорят хотя бы такие факты. Разъяренные болельщики несколько раз разбивали камнями стекла в квартире вратаря, угрожали ему по телефону, прокалывали шины у его автомобиля. Когда терпеть эти выходки стало невозможно, Яшин вместе с семьей (женой и двумя дочерьми Ирой и Леной) на два месяца уехал из Москвы. Во время этого вынужденного отъезда Яшин всерьез подумывал о том, чтобы навсегда распрощаться с большим футболом. Однако тогдашний тренер «Динамо» Александр Семенович Пономарев уговорил его остаться. При этом тренер поступил мудро: он какое-то время ставил Яшина в ворота только на выездных матчах. Почему? Дело в том, что определенная часть московской публики продолжала негативно относиться к прославленному вратарю, сопровождала его действия обидными выкриками с трибун, а Яшин тяжело переносил такое отношение.

Обретение Яшиным себя шло довольно трудно. Причем этому были объективные причины. Дело в том, что если тренеры родного клуба не разуверились в нем, то про тренеров сборной этого сказать было нельзя. К примеру, в важном матче на Кубок Европы со сборной Италии в Москве Яшина в ворота не поставили. Тот матч наши выиграли со счетом 2:0. Однако спустя какое-то время (в начале ноября) должна была состояться ответная игра в Риме. Федерация футбола СССР, которая решала, кто из наших игроков поедет на эту встречу, встала перед дилеммой: брать Яшина или нет. В случае отрицательного ответа тот собирался в Лондон, где 23 октября должен был сыграть за сборную мира. Судьбу Яшина вновь решил тренер сборной, который заявил, что справится в Риме и без Яшина.

Между тем в игре на «Уэмбли» между сборной мира и сборной Англии, посвященной 100-летию английского футбола, Яшин сыграл выше всяких похвал. Он отстоял первый тайм и не пропустил в свои ворота ни одного мяча. И только когда во втором тайме его сменил другой вратарь, англичанам удалось забить два мяча и свести игру вничью – 2:2. Все специалисты, наблюдавшие за этим матчем (а игру транслировали на многие страны мира), отметили великолепную игру советского голкипера. Поэтому, когда наша сборная приехала в Италию, перед ее руководителями снова встал вопрос, кого же ставить в ворота. Ведь теперь, после триумфа Яшина в Лондоне, не поставить его в ворота означало навлечь на себя не только гнев болельщиков, но и недоуменные вопросы многих специалистов футбола. И за час до начала игры было принято решение доверить честь защищать ворота сборной именно Яшину. И тот отстоял эту игру блестяще, взяв даже пенальти (матч закончился вничью – 1:1).

Стоит отметить, что в том же году Яшин стал первым футболистом, удостоенным нового футбольного приза – «Золотого мяча», вручаемого лучшему футболисту Европы. Это было огромным достижением не только лично Яшина, но и всего советского спорта, который сумел воспитать спортсмена подобного уровня.

Обретя уверенность в международных матчах, Яшин прекрасно отыграл и внутренний чемпионат. Во многом благодаря прекрасной игре Яшина в сезоне 1963 года команде «Динамо» удалось после четырехлетнего перерыва вернуть себе чемпионское звание. Яшин вновь стал героем. И это в 34 года! Уникальный случай не только в истории отечественного, но и мирового спорта.

Как писал спортивный журналист Л. Филатов: «Одну из загадок яшинской одаренности я вижу в его неординарной внешности, в особенностях его телосложения. По всем своим данным – росту, длине рук, широкому шагу – он словно дополнял, завершал собой ворота, если их рассматривать как скульптурную композицию. Это по внешнему виду. А едва он приходил в движение, как становилось очевидным самое ценное – его расслабленность в плечах, в поясе, в кистях рук, в коленях, та расслабленность, которая одаряет вратаря ощущением свободы, легкости, власти над мячом и в плоскости ворот, и в штрафной площадке. Яшин объяснял свою мобильность тем, что имел обыкновение выполнять всю тренировочную работу полевых игроков».

А вот мнение другого специалиста – знаменитого игрока Н. Старостина:

«Как все спортсмены экстра-класса, Яшин был достаточно самолюбив, но он никогда не играл для трибун. Он не «подавал себя». Что можно легко поймать, он и ловил просто. Никаких утрированных бросков, поз, жестов. Все скупое, деловитое и рациональное. Вот почему он чаще других вратарей оставался на ногах, всегда в боевой стойке, всегда готов продолжать борьбу, не выключая себя из схваток ненужными падениями.

Мастерство его было отшлифовано так, что позволяло ему как бы без особых усилий достигнуть того, на что другие вратари тратят уйму энергии и движений. Делалось все это на удивление своевременно даже там, где счет шел на десятые доли секунды...

В чем же особенности вратарской школы Яшина? Что он реформировал и почему у него мало последователей?

Яшин первым из всех вратарей мира начал организовывать контратаки своей команды. Начал это делать еще тогда, когда ни один из защитников даже не помышлял о такой возможности, считая своей обязанностью лишь разрушать чужие атаки. В Европе утверждают, что приоритет игры по всей штрафной площадке остается за Планичкой. Пусть так, но Планичка покидал ворота, чтобы перехватывать и отбивать мячи, а Яшин не только предупреждал угрозы для своих ворот. Он, как минер, закладывал взрывчатку для атакующего натиска своих форвардов у ворот противника. Бывали случаи, когда Яшин играл даже за пределами штрафной площадки, там, где кончается вратарское право на игру руками. И тогда он действовал ногами или отлично пользовался ударами головой.

Со временем игра Яшина несколько утратила живость, страстность, но зато приобрела очень важное качество: чем значительнее встреча, тем надежнее играл маститый вратарь. Природа этого явления ясна: ответственность горячит кровь, возбуждает нервы, придает азарт, а опыт помогает выходить из критических ситуаций. «Все знаю и много еще могу» – вот девиз, с которым выходил на футбольное поле Лев Яшин».

Между тем в сезонах 1964, 1965, 1966 годов футболисты столичного «Динамо» оказались за чертой призеров чемпионата СССР – они заняли соответственно 7-е, 5-е и 8-е места. И только в 1967 году им удалось вернуть былую свежесть своей игре и завоевать серебряные медали первенства.

Что касается сборной, то ситуация в ней тоже была далека от стабильной. В 1964–1965 годах она обновилась процентов на девяносто (в 1965 году в ней дебютировало сразу девятнадцать игроков – беспрецедентный случай). Неизменным в сборной было одно – Яшин. Хотя безоблачным его существование в национальной команде назвать было нельзя – конфликты и у него возникали. Причем даже с тренерами. Например, с Константином Бесковым, который возглавлял нашу сборную в 1963–1964 годах. Рассказывает Валерий Маслов: «У Яшина с Бес-

ковым вышел инцидент на турнире в Чили. Играем с бразильцами. Лева от ворот мяч вводит, а защитник отвернулся. Чужой перехватил, метров с тринадцати бьет – Лева из нижнего угла вытаскивает. Бесков вскакивает со скамейки: «Старый идиот, ты что делаешь?!» Лева перчатки сбрасывает – и к нему. Витек Аничкин его на полпути перехватил. Прочитал ситуацию. Бразильцы тем временем угловой подают – а вратаря нет! Одни перчатки на земле! Но обошлось – не забили. Но на Бескова Лева долго еще злился...»

В 1966 году советская сборная участвовала в чемпионате мира в Англии и, несмотря на то что проиграла два последних матча, впервые в своей истории заняла 4-е место в мировом первенстве, а игроки сборной по решению оргкомитета чемпионата были награждены бронзовыми медалями (как и команда, занявшая 3-е место). С тех пор минуло уже 40 лет, но не то чтобы побить, даже повторить этот результат нашей сборной никак не удастся. Почему? Одной из причин этого можно смело назвать отсутствие в нашей сборной настоящих звезд, таких как Л. Яшин, А. Шестернев, В. Понедельник, В. Воронин, И. Численко, А. Кавазашвили, М. Хурцилава, А. Банишевский, В. Поркуян, Й. Сабо и др.

Что касается Яшина, то он к тому времени был в сборной одним из «ветеранов» (пришел в нее в 1954 году) и по праву пользовался огромным уважением товарищей. Причем не только потому, что играл дольше всех, но и в силу своих человеческих качеств. По словам Н. Симоняна, Яшин не обижался по мелочам, умел снисходить к слабостям и недостаткам товарища, видеть сквозь них главную суть человека. Склад ума у Яшина был – мужицкий, трезвый, крепкий. Он никогда не срывался. Рассказывают, что неким антиподом Яшина в сборной был Валерий Воронин, считавшийся плейбоем. Он хорошо одевался, курил дорогие сигареты, любил Битлов. Большинство игроков сборной нет-нет да и подражали Воронину, но только не Яшину. Несмотря на то что их с Ворониным постоянно селили в одном номере, стиль жизни у них был совершенно разным. Яшин курил свой неизменный «Беломор», слушал родную эстраду и не участвовал в богемных тусовках. А если кто-то ему сильно досаждал приглашениями или лез без спросу в душу, он мог и послать – просто и по-русски.

Свой последний (116-й по счету) матч в составе сборной СССР Яшин сыграл 16 июля 1967 года. В тот день наши футболисты встречались в Тбилиси со сборной Греции в рамках отборочного турнира чемпионата Европы. Мы выиграли с разгромным счетом 4:0.

Уйдя из сборной, Яшин целиком сосредоточился на игре в родном «Динамо», которое последние несколько лет довольно неудачно выступало во всесоюзном первенстве. В 1967 году это положение наконец удалось изменить в лучшую сторону – «Динамо» заняло 2-е место и выиграло Кубок страны. Однако год спустя команда довольствовалась уже 5-й строчкой в турнирной таблице. В том же году Яшин последний раз был включен в список 33 лучших футболистов страны под № 1 (впервые он попал в этот список в 1956 году).

Последние три сезона, в которых Яшин играл в «Динамо», его команда, что называется, скакала по турнирной таблице: в 1969 году она заняла 4-е место, в 1970-м – 2-е (и победа в Кубке СССР), в 1971-м – 5-е. В середине последнего сезона Яшин принял решение закончить футбольную карьеру.

Прощальный матч великого голкипера состоялся в Москве 27 мая 1971 года. Для участия в нем в Москву приехали практически все лучшие футболисты мира, выразив тем самым свое уважение к замечательному голкиперу и человеку. Проводы были королевскими, что вполне объяснимо: такие спортсмены, как Яшин, рождаются на свет не так часто – раз в столетие. Яшин отстоял в воротах первую половину игры, не пропустил ни одного гола и уступил место своему коллеге Владимиру Пильгую.

Отмечу, что за свою долгую футбольную карьеру Яшин провел 326 матчей в первенстве СССР и 79 – в сборной СССР. Был удостоен десяти правительственных наград, в том числе и ордена Ленина. Он был первым вратарем в советском футболе, кто провел сто игр «на ноль» (не пропустил ни одного мяча). Сотым на его счету стал матч чемпионата страны между его род-

ным клубом «Динамо» и ЦСКА 28 октября 1962 года. Всего же Яшин сыграл 207 «сухих» матчей из 438 зачетных. Этот результат был рекордным в течение многих лет, пока его не побил в 1987 году вратарь московского «Спартака» Ринат Дасаев, поднявший рекордную планку до 235 «сухих» матчей.

Закончив играть, Яшин не ушел на покой. Чем же он занимался? Рассказывает Л. Филатов:

«После проводов и прощального матча звезд мирового футбола со сборной «Динамо» Яшин не исчез с глаз долой и не был выкинут из сердца вон. Его известность в народе, а не только среди болельщиков была повсеместной и поголовной, фамилию его знали, как взятую из букваря. Поставили его начальником родной команды вместе с тренером Константином Бесковым. А потом что-то не заладилось. Человека с таким именем полагалось трудоустроить. Что и делалось как в «Динамо», так и в федерации. Но посты с мудреными названиями («зампред по...»), с письменными столами наводили на Яшина тоску. Честный, он стеснялся своего вынужденного безделья.

А для начальственных верхов Яшин был одним из пропагандистских цветных стеклышек, из него пытались сотворить живую легенду, подобие Стаханова. Провели через Высшую партийную школу, после чего человек считается «своим», заставляли выступать в присутствии вождей с трибуны Кремлевского дворца, произнося написанную речь, надев через грудь широкую красную ленту со всеми спортивными медалями и орденами... Был случай, что авторитетом Яшина, как бульдозера, попытались сломить неугодного Валентина Гранаткина. Чтобы заменить его на посту первого вице-президента ФИФА, послали бумаги с ходатайством, да получили по носу – уведомление, что сотрудничеством Гранаткина ассоциация довольна.

Ничего этого Яшину не было нужно, он испытал на себе судьбу тех, кого принудительно, по разнарядке, утвержденной за толстыми стенами, выдвигали, не спросив их согласия, для разного рода показательных выдумок...»

Пока позволяли силы, Яшин вел довольно активную жизнь. Посещал школы-интернаты, принимал участие как почетный гость в соревнованиях клуба «Кожаный мяч», выезжал за границу, где проводились соревнования его имени (да, да, проводятся и такие, например в Финляндии).

Между тем с годами поездки давались Яшину все труднее. Его стало подводить здоровье. У Яшина был застарелый гастрит, который в конце концов перерос в язву. Облитерирующий эндартериит ног, сопровождавшийся сильными болями, таил в себе огромную опасность, и то, что Яшин очень много курил, никак не способствовало его выздоровлению. Яшин стал меньше двигаться, из-за чего холестериновые бляшки начали закупоривать вены на ногах. В начале 80-х он перенес инсульт, одна рука стала плохо двигаться, волочиться нога. Врачи советовали Яшину лечь в больницу, но он перенес болезнь на ногах. Но даром это не прошло. В 1984 году он отправился в заграничное турне во главе группы ветеранов советского футбола, и там у него отказала правая нога. Пришлось делать операцию. Она проходила в Венгрии, причем сделали ее неудачно. Яшин с женой потом долго добирались до Москвы и опоздали – нашим врачам пришлось ногу ампутировать.

К сожалению, это было не последнее испытание, которое пришлось пережить Яшину. Вскоре после ампутации у него обнаружили рак. И Яшин знал, что болезнь прогрессирует стремительно. Однако виду не показывал. Лишь однажды, когда ему вручали «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда и орден Ленина, он не выдержал – заплакал.

В августе 1989 года было решено торжественно отметить приближающееся 60-летие великого вратаря. Торжество длилось два дня: сначала оно проходило на стадионе «Динамо», где 10 августа состоялись сразу два футбольных матча: сначала силами померились сборные ветеранов «Динамо» и ветеранов мира (матч закончился вничью 2:2), а затем – сборные «Динамо» (СССР) и звезд мира (наши победили 2:0). На следующий день торжества переме-

стились в динамовский Дворец на улице Лавочкина. К сожалению, последнее мероприятие телевидением не записывалось. Проходило оно очень трогательно и собрало большое число известных людей. Поздравить юбиляра пришли: Е. Евтушенко, В. Гафт, М. Задорнов, А. Арканов, М. Евдокимов, В. Винокур, М. Ножкин, И. Роднина, В. Фетисов, В. Юрзинов, В. Давыдов, О. Блохин, Н. Старостин, а также футболисты всех московских команд. Кроме того, из-за рубежа приехали прославленные звезды футбола: португалец Эйсебио, англичанин Чарльтон, болгарин Колев, венгр Грошич. Но особенно растрогало Яшина, когда на сцену вышла футбольная команда олимпийских чемпионов 1956 года во главе с Качалиным и Нетто, а Людмила Гурченко исполнила песню «Команда молодости нашей».

Между тем никто из присутствующих на этом вечере даже не догадывался, что видит великого вратаря в последний раз.

Лев Яшин скончался 20 марта 1990 года. Его супруга Валентина Тимофеевна вспоминает: «Когда Лева умирал, я сидела у его кровати. Он шепчет: «Слушай, поезд уходит, давай поедem побыстрее, вон моя куртка висит». Похоронили великого голкипера на Ваганьковском кладбище.

Футболист трагической судьбы Эдуард Стрельцов, «Торпедо», Москва

В конце 50-х годов в Советском Союзе не было популярнее футболиста из плеяды молодых, чем игрок столичного «Торпедо» Эдуард Стрельцов. На футбольном поле он творил чудеса, после чего о нем взахлеб писали газеты, а толпы поклонниц буквально преследовали молодое дарование по пятам. Ему прочили судьбу «русского Пеле», но этим прогнозам не суждено было осуществиться – их перечеркнуло уголовное дело об изнасиловании.

Эдуард Стрельцов родился 21 июля 1937 года в Москве, в Перове (тогда это были задворки столицы), в рабочей семье. Его отец Анатолий Стрельцов работал столяром на заводе «Фрезер», мать Софья Фроловна – в детском саду. Как гласит семейное предание, Эдуард впервые ударил по футбольному мячу, когда ему было полтора года. Видевшие это соседи Стрельцовых тут же предрекли мальчишке блестящее футбольное будущее. И как оказалось, не ошиблись.

Когда началась война, глава семейства Стрельцовых ушел на фронт. Имея всего лишь четыре класса образования, он был призван рядовым, но уже через год боевых действий стал офицером разведки. В 1943 году приехал на побывку в Москву, и его ординарец рассказал Эдуарду и его матери, каким героем является их отец. «Сколько он «языков» на себе притащил – не перечесть, – хвалился ординарец. – И везучий чертовски. Сколько воюем – ни одной царапины». Несмотря на то что было в ту пору Эдуарду всего 6 лет, эти слова он запомнил на всю жизнь. И в последующем никогда и ни в чем не попрекал своего отца. Хотя было за что.

Дело в том, что через несколько месяцев после этого приезда Анатолий Стрельцов оставил свою семью. На фронте он познакомился с молодой медсестрой и после окончания войны уехал к ней в Киев. Поэтому Софья Фроловна вынуждена была воспитывать сына одна. Порой ей было очень тяжело. Она перенесла инфаркт, болела астмой и вскоре получила инвалидность. Однако сидеть сложа руки не могла и устроилась работать на завод «Фрезер». Туда же после окончания семилетки устроился слесарем-лекальщиком и Эдуард Стрельцов. По его же словам, есть тогда было нечего, они с матерью грызли жмых, и одет он был как оборванец. Впрочем, в те послевоенные годы так жило большинство советских людей.

В то время самым популярным зрелищем для миллионов наших граждан был футбол. Имена знаменитых советских футболистов так же, как и имена киноактеров, знали все граждане страны, даже те из них, кто к футболу относился равнодушно. И не было в стране мальчишки, который не мечтал бы походить на Всеволода Боброва или Николая Дементьева. Не был в этом исключением и наш герой – Эдуард Стрельцов.

Стукнув по резиновому футбольному мячу в полтора года, Эдик вскоре стал самым заядлым футболистом в своем дворе. Единственные ботинки, которые мать купила ему для того, чтобы в них ходить в детский сад, он разбил за несколько дней. Но ругать его за это было бессмысленно – футбол уже тогда стал для него единственным смыслом жизни. Поэтому успехи Стрельцова поражали даже выдавших виды футбольных болельщиков. В десятилетнем возрасте его взяли играть за детскую команду завода «Фрезер», а уже через три года он стал центральным нападающим в юношеской и мужской командах завода. В свободное от тренировок и игр время Стрельцов ездил на стадион «Динамо» смотреть матчи чемпионата СССР. Порой бывало так, что он по четыре часа отстаивал в очереди, лишь бы попасть на футбол. Болел Стрельцов за две команды сразу: за ЦДСА (из-за Боброва и Федотова) и за «Спартак». В последнем он мечтал когда-нибудь играть. Однако судьбе было угодно, чтобы наш герой попал в команду «Торпедо». Случилось это в середине 1953 года.

Однажды тренер юношеской команды «Фрезер» Марк Левин упросил тренера «Торпедо» Проворнова посмотреть на игру троих его подопечных: Гришкова, Кондратьева и Стрельцова. Игра всех троих понравилась маститому тренеру настолько, что он тут же предложил им место в своей команде. Те согласились и той же осенью отправились с командой мастеров «Торпедо» на сбор в Сочи. Так Стрельцов сразу попал в основной состав мастеров, минуя годы в дубле. Это было несомненной удачей для молодого футболиста, так как в те годы конкуренция среди футболистов была очень большой. И редко кому удавалось так быстро (наш герой сыграл за дубль всего лишь четыре игры) пробиться в основной состав. Но Стрельцову судьба явно благоволила.

В торпедовском нападении Стрельцов играл вместе со своим другом Валентином Ивановым. Понимали они друг друга буквально с полуслова, чего нельзя было сказать о других игроках «Торпедо». Многие из игроков команды откровенно завидовали удаче двух этих форвардов, так рано попавших в команду мастеров. И зависть эта обуревала старших товарищей даже на поле во время игры. В результате, как ни просили Стрельцов и Иванов отдавать им побольше пасов, их коллеги по команде часто игнорировали эти просьбы. Естественно, это сказывалось на общей результативности команды.

В сезоне 1953/54 команда «Торпедо» выиграла всего 8 игр и заняла в чемпионате СССР 9-е место (из 12 команд). Торпедовцами было забито 34 гола, из которых семь забил Валентин Иванов и пять – Эдуард Стрельцов. Неплохой результат для новичков.

В самом начале 1955 года Стрельцов попал в сборную СССР. Причем кандидатов на включение в нее было человек тридцать, но тренеры отдали предпочтение нашему герою. Его первой зарубежной поездкой в составе сборной стала поездка в Индию. Затем были матчи со сборной Венгрии и Франции в Москве, со сборной Швеции – в Стокгольме. Во время последней игры Стрельцов забил хозяевам поля три (!) мяча. После этого шведские тренеры заявили: «Такого игрока мы готовы ждать в своей команде хоть пятьсот лет!»

Игра Стрельцова была действительно великолепной и имела свои, никому не присущие черты. Например, у него была прекрасная интуиция на голевые моменты. Он мог находиться в стороне от основных событий и, когда противник, «усыпленный» этим, забывал про него, сделать резкий рывок, перехватить мяч и забить гол. Правда, порой многие болельщики такой манеры игры своего любимца не одобряли. Когда он стоял, они свистели ему с трибун, называли лентяем. Однако мало кто тогда знал, что у Стрельцова было плоскостопие и после игры каждый шаг ему давался с огромным трудом и болью.

Коронным приемом Стрельцова на поле был пас пяткой, за который его чаще всего и хвалили. Делал он этот прием так виртуозно и неожиданно для соперников, что каждый раз после него трибуны стадиона буквально ревели от восторга. Впервые этот прием Стрельцов опробовал в 1956 году в игре с московским «Динамо». В результате получивший от нашего героя пас Иванов влепил красивый гол в «девятку» самому Льву Яшину.

В том году в чемпионате СССР «Торпедо» заняло 5-е место (в 1955-м – 4-е). Это был год триумфа московского «Спартака», который стал чемпионом страны. Однако в матче с «Торпедо» 2 мая он потерпел поражение. Тот матч стал одним из лучших в карьере Стрельцова. И вот почему. В нападении у спартаковцев играли сразу пять форвардов сборной СССР, в то время как у «Торпедо» в нападении были только два «звездных» игрока – Стрельцов и Иванов. Казалось, что этот численный перевес и решит исход матча в пользу «Спартака». Однако все получилось иначе. Два торпедовских форварда переиграли своих соперников по всем статьям. Счет 2:0 в пользу «Торпедо» наглядно это продемонстрировал.

Летом того же года в Москве состоялась Спартакиада народов СССР. Стрельцов и Иванов были приглашены играть за сборную Москвы. Играли они хорошо, получили свои первые в жизни золотые медали и вошли в список 33 лучших игроков Спартакиады. А затем осенью их взяли в сборную СССР для участия в Олимпиаде в Мельбурне, где их ожидал новый триумф.

В первой же игре – со сборной ФРГ – наши победили 2:1. Второй гол в ворота немцев забил Стрельцов. Затем была победа над сборной Индонезии – 4:0. В полуфинале наши встречались со сборной Болгарии. Тот матч был одним из самых трудных и драматичных для нашей сборной. При счете 1:0 в пользу болгар у нас внезапно получили травмы сразу два игрока: В. Иванов и Н. Тищенко (у последнего была сломана ключица). И хотя с поля они не ушли, однако игра у нашей команды никак не получалась. До конца матча оставалось всего 8 минут, и болгары мысленно уже торжествовали победу. И тут случилось чудо. Травмированный Тищенко, получив мяч, точным ударом отправляет его в ноги Стрельцову. Тот совершает стремительный рывок от центра поля и мощным ударом вгоняет мяч в сетку ворот болгарской команды. 1:1. А буквально через несколько минут после этого Борис Татушин забивает и второй гол. Победа!

В финале олимпийского турнира наша сборная играла с командой Югославии. К сожалению, Стрельцов в этом матче на поле так и не вышел. Почему? Получивший травму в предыдущем матче Иванов на поле выйти также не смог, и поэтому тренер Игорь Нетто решил не выпускать на поле и его торпедовского напарника – Стрельцова. Вместо них в нападении играл спартаковский тандем Татушин – Исаев. В центре играл их же коллега по команде Никита Симонян.

Югославская сборная считалась тогда одной из сильнейших в мире. На предыдущей Олимпиаде в Хельсинки (1952) она завоевала золотые медали в драматичной борьбе, обыграв нашу сборную во второй игре. То же самое она попыталась сделать и на этот раз. И ей наверняка удалось бы это сделать, не стой в наших воротах Лев Яшин. Отразив более пятнадцати опасных ударов югославов с разных точек поля, наш прославленный голкипер сумел внести смятение в ряды противника. Этим и воспользовались наши нападающие. В один из моментов, когда шла 50-я минута матча, Анатолий Ильин вогнал мяч в ворота сборной Югославии. Этот гол стал золотым, и наша сборная стала олимпийским чемпионом. Правда, Стрельцову золотую медаль не вручили, так как в последней игре он не участвовал. Но когда команда вернулась на родину, никого из футболистов не забыли – всех наградили орденами. Стрельцов и Иванов получили ордена «Знак Почета».

Год 1957 еще более укрепил положение Стрельцова в советском футболе. В том году его родное «Торпедо» заняло в чемпионате страны 2-е место (первое взяли динамовцы Москвы). Стрельцов забил в том чемпионате 12 голов.

Каким был Стрельцов за пределами футбольного поля? К моменту, когда на него обрушилась всенародная слава, ему было всего лишь 19 лет. Мало кто из его сверстников смог бы устоять от соблазнов, которые открывает перед ними такая популярность. Не стал исключением и наш герой. Когда он впервые перешагнул порог команды «Торпедо», на нем был старенький ватник, а в руке деревянный чемодан. К 1957 году он получил от команды отдельную квартиру в новом доме на Автозаводской улице, стал прилично зарабатывать, женился (в этом браке у него родилась дочь). Одевался Стрельцов стильно, на голове соорудил модный кок. В общем, пижонил. Футболисты в те годы считались популярными личностями, многие из них были вхожи в артистическую богему. По словам самого Стрельцова, его никогда не тянуло в эту компанию, хотя со многими популярными артистами он был знаком (например, с Петром Алейниковым, Владимиром Землянкиным, Анатолием Папановым и др.).

Как утверждают очевидцы, команда «Торпедо» в 50-х годах не отличалась большой внутренней дисциплиной. Более того, в смысле порядка там царила настоящая «махновщина». Вот как об этом вспоминает бывший футболист Юрий Севидов: «Нельзя отрицать, что по части дисциплины и Эдуард Стрельцов, и многие другие его товарищи по «Торпедо» дошли, как говорится, дальше некуда. Играла команда успешно и очень красиво, потому что в ней собрались прекрасные, талантливейшие мастера. Но эта компания была неуправляема. Футболисты могли всей командой после очередного матча крепко выпить, а могли и тренера неугодного снять, потому как ведущие игроки дружили с руководством ЗИЛа...»

По части «подвигов» вне футбольного поля Стрельцов мог дать фору многим своим коллегам. Например, в период с апреля 1957 по январь 1958 года он несколько раз задерживался милицией за хулиганство на улице. Так, 14 апреля 1957 года футболист учинил драку во Дворце культуры завода имени Лихачева. Когда его попытались утихомирить, то он еще более распоясался, ругался и кричал, что стоит ему только позвонить директору завода Крылову...

В ночь с 8 на 9 ноября того же года Стрельцов напился и стал ломиться в дверь семьи Спицыных по адресу Крутицкий Вал, дом № 15. Испуганные соседи по телефону вызвали милицию, и дебошира увезли в 93-е отделение милиции. Но и там он не успокоился: всю дорогу ругался и грозился пожаловаться куда следует.

Наконец, 26 января 1958 года Стрельцов в состоянии алкогольного опьянения учинил новую драку: возле станции метро «Динамо» подрался с неким гражданином Ивановым. Его вновь схватила милиция, и он опять оказал ей сопротивление. За это он был привлечен к ответственности по Указу от 19 декабря 1956 года «Об ответственности за мелкое хулиганство» и получил наказание в виде трех суток содержания под стражей.

Самое удивительное, что обо всех этих проступках футболиста знали руководители команды «Торпедо», однако серьезных мер в отношении провинившегося не принимали. Почему? Здесь два объяснения: или боялись его нервной реакции на это, или просто потворствовали восходящей звезде. Его прощали даже тогда, когда он чуть ли не срывал запланированные футбольные матчи. В 1957 году они вместе с Ивановым опоздали на поезд Москва – Берлин, и сборная команда СССР без них уехала на отборочную игру с командой ГДР (тогда решалось, кто из них поедет на чемпионат мира в Швецию). Пришлось нарушителям догонять товарищей на машине. В Можайске ради них было принято решение остановить поезд и дожидаться, пока они не подъедут на автомобиле. После этого происшествия оба провинившихся чувствовали себя виноватыми перед командой и горели желанием на поле загладить свою вину. И им это удалось. Стрельцов, например, несмотря на травму ноги, умудрился сделать голевую передачу и забить один гол. Благодаря этому наши тогда и победили.

Все вышеперечисленные проступки не делали чести спортсмену, однако в какой-то мере были объяснимы: звездная болезнь для двадцатилетнего парня дело обычное. Выросший без отца, Стрельцов так и не сумел найти достойную замену ему – старшего товарища, который своим авторитетом сумел бы остановить его от скатывания в пропасть. Но до роковой развязки было еще несколько месяцев. А пока Стрельцов продолжал почивать на лаврах, нося звание одного из лучших футболистов Советского Союза.

Бывший врач сборной СССР О. Белаковский вспоминает:

«Не припомню другого такого случая, когда бы в футболе так ярко и стремительно разгоралась звезда. Стрельцов появился, как метеор! Он сразу бросался в глаза: рослый, красивый, атлетически сложенный парень, всегда приветливый и доброжелательный...

У нас в стране появился редкостный талант, самородок. Даже мальчишкой, каким мы впервые его увидели, он прекрасно видел поле и умел мыслить тактически во время игры. Это редкостный дар! Стрельцов, без сомнения, был игрок мирового класса, ничуть не уступающий талантом Пеле. Поверьте, я видел много великих футболистов – всех кумиров спортивного мира, чья слава не меркнет с годами, и могу утверждать: Стрельцов занимает свое, особое место среди них».

К началу 1958 года Стрельцов по праву считался одним из самых лучших советских футболистов, кумиром миллионов. Видеть его в своих рядах мечтали многие сильнейшие наши команды, в том числе и московский «Спартак». Однако от предложения уйти из «Торпедо» Стрельцов внезапно отказался. Почему? Сам он позднее объяснил этот поступок боязнью обидеть прославленного спартаковца Никиту Симоняна, на место которого он мог претендовать.

Тем временем в июне 1958 года в Швеции должен был стартовать очередной чемпионат мира по футболу. Миллионы болельщиков во всем мире с нетерпением ждали его начала,

мысленно уже предвкушая прекрасный футбол. Советские любители футбола ждали его с еще большим интересом: всем хотелось быть свидетелями дуэли двух восходящих звезд мирового футбола: бразильца Пеле и нашего Эдуарда Стрельцова. Однако этой дуэли так и не состоялось.

Сборная СССР должна была выехать в Стокгольм 28 мая. За три дня до этого события игроки сборной собрались в ателье на проспекте Мира, где должны были примерить специально сшитые для них костюмы. После этого игроки разошлись. Стрельцов сначала сходил в баню, затем отправился к знакомому директору магазина на улицу Горького, где у него была назначена встреча с Б. Татушиным и М. Огоньковым. Они тогда задерживались, и наш герой уже собирался было ехать домой, но тут в комнату зашел еще один знакомый Стрельцова – Сергей Сальников. Они вместе выпили, а тут и Татушин с Огоньковым подошли. Далее – слово М. Огонькову: «Мы со Стрельцовым на моей машине поехали на Пушкинскую площадь, где должен был ждать Татушин, с которым мы договорились поехать за город отдохнуть. В машине Татушина сидели незнакомый мне парень по имени Эдик (Эдуард Тарханов – летчик. – *Авт.*) и две девушки, Инна и Ира, которых я тоже не знал. Эдик предложил поехать к нему на дачу на станцию Правда, где поблизости есть водохранилище. Мы купили вино и закуску. Приехав на водохранилище, выпили, поиграли в волейбол. По дороге на дачу остановились в Пушкине, где Татушин оставил нас, а потом привез еще двух девушек, Тамару и Марину, которых я тоже не знал. Вечером на даче еще играли в волейбол, в теннис. Сели за стол в 12 часов ночи...»

О том, как развивались события дальше, существует две версии. По одной из них (ее подтверждает следователь прокуратуры Э. Миронова), после шумного застолья молодые люди разбились на пары и разошлись по разным комнатам. Стрельцову «досталась» Марина, однако она уединяться не захотела и сказала об этом хозяйке дачи. Но та не стала ее слушать и просто затолкала в комнату, где был Стрельцов, и закрыла дверь на ключ. Марина начала плакать, на что Стрельцов ответил руганью и тумаками. Однако девушка оказалась не из робких, и, когда Стрельцов начал срывать с нее платье, она вцепилась ему в лицо и стала царапать его. Судя по всему, это окончательно вывело из себя футболиста, и он обрушил на девушку град ударов. В результате, выбив ей несколько зубов и сломав нос, он довольно быстро подавил сопротивление жертвы и бросил ее на кровать. Самое удивительное, что, слыша шум этой борьбы, к месту происшествия не пришел ни один из друзей футболиста. Если бы кто-то из них вмешался и унял пьяного приятеля, трагедии удалось бы избежать. Однако...

Другую версию на страницах газеты «Совершенно секретно» высказал еще один юрист – Андрей Сухомлинов (он получил доступ к материалам уголовного дела Э. Стрельцова). По его словам, все выглядело совершенно иначе. Как же?

Оказывается, весь вечер Стрельцов и Марина вели себя как близкие люди – гуляли, целовались, за столом ели с одной вилки. Вечером все вновь уселись за стол, и веселье продолжалось до глубокой ночи. При этом всеми было выпито довольно большое количество спиртного, в том числе и Мариной со Стрельцовым (на столе тогда стояла сорокаградусная «Старка»). После застолья все разбрелись по комнатам, причем Стрельцов и Марина ушли чуть раньше остальных. Судя по всему, именно в этот отрезок времени все и произошло.

Видимо, Стрельцов в комнате стал приставать к девушке, а та стала сопротивляться. Сама она на суде вспомнит, что Стрельцов обращался с ней грубо и ей это не понравилось. Однако ее воспоминания простираются только до того момента, когда Стрельцов толкнул ее на кровать. Что было потом, она так и не вспомнила – была сильно пьяна.

Между тем вскоре в ту же комнату на ночлег пришли еще двое: Ирина и Тарханов, которые устроились на полу. Посреди ночи Ирина внезапно проснулась и увидела, что Стрельцов и Марина вновь занимаются любовью. Причем никакой борьбы в этом случае уже не было.

Далее – рассказ О. Белаковского:

«Наутро мы встречались на Ярославском вокзале, чтобы ехать на тренировку в Тарасовку. Эдик Стрельцов задерживался. А появился в самом плачевном виде: лицо сильно поца-

рапано, ноготь на пальце откушен, и вообще выглядел он, прямо скажем... Да еще под парами со вчерашнего дня... Лева Яшин его спрашивает: «Что это, Эдик, с тобой?» А тот отвечает: «Да я, Лев Иванович, был у бабушки на даче, и меня там собака покусала...» Яшин посмеялся. «Да, – говорит, – какая злая собака!»

Я подхожу к тренеру Качалину: «Стрельцов нарушил режим вчера, тренироваться не может». Качалин огорчился, конечно: «Ладно, положите его спать пока...»

Между тем, пока Стрельцов отсыпался после бурной ночи на базе в Тарасовке, Марина с довольно помятым видом вернулась домой и сообщила, что ее изнасиловали. Мать вспылала справедливым гневом и тут же повела дочь в местное отделение милиции. Той же ночью Стрельцов, Татушин и Огоньков были арестованы прямо на базе сборной в Тарасовке. Правда, вскоре двоих последних освободили, и под арестом остался один Стрельцов. Ему и было предъявлено обвинение в изнасиловании.

Вспоминая те драматичные дни, тогдашний начальник сборной СССР Владимир Мошкаркин рассказывал: «Я чувствую и свою вину за случившееся. Ведь я поддался на уговоры игроков и отпустил их за день до отъезда в Швецию со сбора в Тарасовке проститься с родными. Утром они должны были явиться к завтраку... Прояви я стойкость, не пойдя на поводу у команды, Эдик в Швеции, глядишь, и Пеле затмил бы. Но я бы главным виновником этой истории назвал Б. Татушина. Кто такая пострадавшая – Лебедева? Подруга его знакомой. Татушин и свел их, увлек на дачу...»

О том, что знаменитый футболист Стрельцов арестован, стало известно москвичам уже на следующий день. Комментариёв на этот счет было огромное количество, но всей правды мы не знаем даже сейчас, по прошествии стольких лет после этих событий. Но кое-какие выводы сделать все-таки можно.

Например, однозначно можно утверждать, что это дело намеренно раздувалось по указу сверху – по инициативе Н. Хрущева. Узнав о том, что молодой знаменитый игрок избил и изнасиловал девушку, он пришел в неописуемую ярость и приказал раскрутить это дело «на всю катушку». Кроме этого, ходили слухи о том, что свой зуб имели на Стрельцова и кое-кто из окружения Хрущева. Например, Екатерина Фурцева. В свое время она мечтала выдать свою дочь за этого футболиста, но Стрельцов якобы ей отказал, заявив: «Я свою Алку ни на кого не променяю!» Этого поступка ему, видимо, не простили.

Еще одним доказательством того, что Стрельцова стремились засадить за решетку, было то, что пострадавшая через пять дней после случившегося полностью отказалась от своих обвинений. В своей записке от 30 мая она писала: «Прошу прекратить дело Стрельцова Э. А., так как я ему прощаю». Однако это заявление следствие проигнорировало. А затем потерпевшая забрала свое заявление обратно.

Далее. Многие наблюдавшие стремительное восхождение Стрельцова к вершинам славы утверждают, что это не давало спокойно спать большинству влиятельных спортивных чиновников. Конечно, с одной стороны, он приносил советскому спорту огромную славу и популярность во всем мире, но, с другой стороны, уж очень он был строптив... Не этим ли был вызван и такой эпизод, который произошел за три дня до случая на даче. В тот день в ЦК были приглашены председатель Спорткомитета СССР Романов и начальник сборной Мошкаркин. Там им сказали: «Есть мнение, что Стрельцов намерен остаться в Швеции. Поэтому брать его туда не стоит». Романов и Мошкаркин, пораженные таким заявлением, сначала растерялись, однако затем принялись горячо переубеждать высокого начальника в абсурдности этой мысли. «Откуда вы это взяли?» – вопрошали они. «А вы не помните, как три года назад шведы сами зазывали Стрельцова к себе? Вдруг он согласится на этот раз? Ведь он неуправляем», – отвечал им высокий начальник. Но защитники Стрельцова все-таки сумели переубедить его и отказаться от своих подозрений. Стрельцова в сборной оставили, но обмануть судьбу ему так и не удалось.

Буквально за месяц до начала судебного процесса, когда в народе все чаще стали звучать мысли о том, что власти специально хотят засадить в тюрьму всесоюзную знаменитость, в центральной прессе была начата кампания по дискредитации Стрельцова. Так, в газете «Комсомольская правда» был напечатан фельетон Семена Нариньяни под весьма выразительным названием – «Звездная болезнь». Прочитав эту статью, любой нормальный человек делал однозначный вывод: и правильно сделали, что арестовали этого распоясавшегося юнца. Не случайно, что вырезка из газеты с этим фельетоном была сразу же подшита в уголовное дело № 53–50, заведенное на Стрельцова.

Можно ли было спасти Стрельцова от тюрьмы? Вот что по этому поводу думает автор книги о нем Александр Нилин: «...Пришли с ним на похороны Харламова (в августе 1981 года. – *Авт.*). Вокруг почти все в военных мундирах. Эдик огляделся: «Если б перешел в ЦСКА, не в тюрьме бы сидел, а тоже был бы майором». Им с Валея Ивановым ЦСКА даже квартиры подобрал... А самое интересное – Стрельцов болел за «Спартак»! Но перейти туда не смог. Говорил: «Мне неудобно перед Симоняном, приду-то на его место». Вопрос с армией торпедовское начальство для Стрельцова и Иванова решило. Директор завода съездил в ЦК. Эдик сказал приятелю: «Армия – армией, а ЦК – цекой...» Но вот от тюрьмы освободить не смогли. А вот «Спартак» бы смог. Он ведь себя позиционировал как «народная команда», но Старостин знал всех начальников. Своих-то, Татушина и Огонькова, отстоял. Их исключили из футбола, но в тюрьму не посадили...»

В те дни, когда Стрельцов сидел за решеткой, сборная СССР по футболу отправилась в Швецию на чемпионат мира. В ее составе не было трех игроков: Стрельцова, Татушина и Огонькова. Так как выбыли они из состава сборной буквально накануне турнира, замену им пришлось искать в спешном порядке. Все это, естественно, не могло не сказаться на игре команды. В результате сборная СССР свела вничью матч с командой Англии (2:2), выиграла у Австрии (2:0), но проиграла сборной Швеции (0:2). Последний матч и решил судьбу нашей сборной: она выбыла из дальнейшего спора за звание чемпионов мира. Думаю, вряд ли наша команда выступила бы столь неудачно, не случись то происшествие на даче. Однако история не знает сослагательного наклонения.

Суд над Стрельцовым состоялся в конце июля 1958 года в здании Московского областного суда. У большинства присутствовавших на нем в начале процесса была еще надежда на то, что правосудие будет снисходительным по отношению к восходящей звезде. Однако никакого снисхождения Стрельцов не дождался. Приговор суда от 24 июля был откровенно суров: согласно Указу от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования» осудить Э. А. Стрельцова на 12 лет лишения свободы. Когда этот приговор был оглашен, подсудимый в сердцах заявил: «Предлагали мне остаться во Франции, но я не захотел. А жаль!...» Сразу после приговора его первая жена подала на развод.

Первые месяцы своего заключения Стрельцов отбывал на лесоповале в Кировской области. Однако там он не задержался. Однажды его сильно избили другие заключенные, и начальство решило перевести его в другое место – в колонию № 5 города Донского Тульской области. Здесь никаких инцидентов у него уже не возникало. Поэтому в 1960 году срок заключения Стрельцову был снижен с 12 до 7 лет. Через год, когда зоны поделили на режимы и на строгом (в колонии № 5) стали концентрировать рецидивистов, Стрельцова, как впервые осужденного, перевели в соседнюю колонию – № 1. Тогда эта колония только отстроилась и на всю зону был всего один барак. Все эки работали в инструментальном цехе, и Стрельцов вместе со всеми точил гаечные ключи с трещоткой. Несколько позднее (уже в Электростали) его перевели в отряд хозяйственной службы на должность библиотекаря. Тогда же он пошел учиться в восьмой класс.

Самое удивительное, но даже в заключении Стрельцову удавалось играть в футбол. В одном из писем матери он писал: «Уже начали играть в футбол. Играли товарищескую игру

с 7-м лагпунктом, выиграли со счетом 7:1. С 1 июня начнется розыгрыш кубка по лагерям. Будем ездить на разные лагпункты. Время пойдет веселей...»

Стоит отметить, что, в отличие от футбольных матчей на свободе, игры в зоне представляли собой несколько иное зрелище. Например, в большинстве своем игроки эковских команд были откровенными костоломами и не чурались никаких нарушений. Играть против таких футболистов было опасно для здоровья. Но Стрельцов играл и даже умудрялся демонстрировать техничный и результативный футбол. Так, во время игры с командой костоломов, когда счет был 10:0 в их пользу, Стрельцов внезапно взорвался и стал один за другим вколачивать голы в их ворота. Остановить его было невозможно. Видя все это, зрители на трибунах ревели так восторженно, что обитатели соседнего поселка подумали, что на зоне начался бунт.

После того как первая жена Стрельцова подала на развод, у него на воле осталась девушка – Галя, с которой он переписывался какое-то время. Однако затем и она вышла замуж за другого. По этому поводу Стрельцов в одном из писем матери написал: «Встретишь Галю, передай ей привет и пожелай ей счастья в семейной жизни. Правильно она сделала...»

Первые годы своего заключения Стрельцов писал просьбы о пересмотре его дела, снижении срока. Однако все его просьбы оставались без внимания. В конце концов он и вовсе перестал их писать и просил мать, чтобы она тоже зря не обивала пороги начальственных кабинетов. Читаем в одном из его писем: «Еще я могу тебе посоветовать никуда не ходить. Это, по-моему, для тебя будет лучше. А то ты со своим здоровьем доходишься, что ляжешь и не встанешь. А когда я освобожусь, то мне некуда будет ехать, никого у меня не будет...»

И еще строчки, уже из другого письма: «Мама, не ты недоглядела, а я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до хорошего не доведут. Но я не слушал тебя, и вот – результат... Я думал, что приносил деньги домой и отдавал их тебе – и в этом заключался весь сыновний долг. А оказывается, это не так, маму нужно в полном смысле любить. И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому...»

Через какое-то время Стрельцова перевели в колонию общего режима и назначили там ночным дневальным. Эта должность позволяла ему ночью заниматься уроками, а днем поддерживать спортивную форму. Однако среди эков эта должность считалась позорной, поэтому блатные откровенно презирали Стрельцова. Но он и не стремился водить дружбу с блатными.

В футбол играть Стрельцову вскоре запретили из-за досадного случая. Настоящего футбольного мяча у него не было, поэтому он смастерил самодельный: скрутил две телогрейки и обтянул их проволокой. Получился какой-никакой, но мяч. Однако весил он не менее пяти килограммов, и однажды вратарь, ловивший его после удара Стрельцова, сломал себе ключицу. После этого начальство изъяло мяч и запретило экам играть в футбол. Но это было уже в самом конце тюремной эпопеи нашего героя. Через несколько месяцев он наконец вышел на свободу (большую помощь в этом оказал сын тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Микояна). На дворе стоял 1963 год.

Тот год изменил и личную жизнь нашего героя. Буквально через полгода после освобождения он познакомился на стадионе «Торпедо» с девушкой по имени Раиса. Она работала продавщицей в ГУМе и жила там же, где и Стрельцов, – на Автозаводской улице. В тот день вместе с подругами Рая пришла на стадион. Одну из ее подруг знал Стрельцов. Вот через нее они и познакомились. Вскоре они поженились, и в этом браке у них родился сын Игорь.

В 1963–1964 годах Стрельцов играл в футбол за цеховую команду и за первую мужскую «Торпедо». Играл неплохо и с каждым матчем набирал свою былую мощь и мастерство. Наконец в сезоне 1965 года было официально объявлено, что Стрельцов возвращается в основной состав «Торпедо». Стоит отметить, что это был беспрецедентный случай в истории отечественного футбола: еще никто из игроков не возвращался в большой футбол после шестилетнего перерыва.

Между тем возвращение Стрельцова в большой футбол не было легким. О той закулисной борьбе, которая ему предшествовала, рассказывает бывший в те годы секретарем парткома ЗИЛа А. Вольский:

«Шла настойчивая борьба за то, чтобы Стрельцову разрешили играть. Она длилась полтора года. Не хочу ничего плохого говорить о прежних руководителях федерации футбола, но они совершенно не отстаивали Стрельцова. Бился только один завод.

Однажды мы допустили непозволительный для себя шаг. Команда играла в Горьком. Вдруг весь стадион начал кричать: «Стрель-цо-ва! Стрель-цо-ва!» Естественно, без разрешения никто его на поле выпустить не мог. Тогда люди начали поджигать газеты. Это было страшное пламя. Загорелась даже часть трибун. Почти пожар. В перерыве к нам в раздевалку пришел один из руководителей Горьковского автозавода: «Ребята, если вы не выпустите его, они сожгут стадион». И тогда я говорю тренеру Марьенко: «Знаешь что, выпускай Стрельцова. В конце концов, ничего страшного в этом нет. Ну, накажут...» Эдик вышел. Стадион принимал его стоя.

Когда мы приехали в Москву, мне позвонил тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии Ильичев. Кричал: «Что вы хулиганите?! Бандита, развратника, насильника выпустили на поле. Это абсолютно недопустимо. Мы вас накажем». Я говорю: «Меня-то легко наказать. Как вы завод накажете? Тех болельщиков, которые просили его выпустить?..» Он сказал: «Мы разъясим, но уже без вас». Затем мой поступок обсуждали на бюро горкома...

Тогда мы решили действовать иным путем. Написали письмо на имя нового председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева. Первая страничка полностью состояла из имен депутатов Верховного Совета СССР, РСФСР, которых на ЗИЛе было немало, орденосцев, знатных людей... И еще сорок страниц примерно с десятью тысячами подписей рядовых рабочих. После чего нас с Александром Ивановичем Косицыным, тоже работником ЗИЛа, и депутатами пригласили в Верховный Совет. Брежнев меня просто потряс. Он сказал: «А я не понимаю... Если слесарь отбыл срок, почему ему нельзя работать слесарем?» Мы, естественно, с дрожью повскакали: дорогой Леонид Ильич, и так далее... Я попутно рассказал о звонке Ильичева. На что Брежнев ответил: «Ну, на Ильичева мы управу найдем». Не знаю, сколько потребовалось времени, чтобы Стрельцову разрешили играть. По-моему, меньше часа. Вышло постановление Федерации футбола СССР, и Стрельцов был мгновенно заявлен. При всем том, что он полысел, потяжелел, гениальность осталась...»

В сезоне 1963/64 «Торпедо» заняло в чемпионате СССР 2-е место. Это был большой успех, так как год назад команда довольствовалась всего лишь 10-м местом. Однако теперь, с приходом Стрельцова, торпедовские болельщики всерьез рассчитывали на «золото». И наш герой не мог их подвести.

Первый матч, в котором в составе «Торпедо» на поле вышел Стрельцов, состоялся в Москве. Это была игра «Торпедо» – «Крылья Советов» (Куйбышев). Стадион был забит до отказа только по одной причине – все пришли посмотреть на Стрельцова. Но он в тот день выглядел не слишком убедительно и многих откровенно разочаровал. Было заметно, что он стал несколько тяжеловат. Однако многие продолжали верить в него и ждали, когда он наконец заявит о себе в полную мощь. И это ожидание не оказалось напрасным. Буквально матч за матчем Стрельцов стал прибавлять в скорости и начал забивать свои первые голы. (Отмечу, что первый и второй свои голы он забил в одном матче – с одесским «Черноморцем».)

Вспоминает А. Нилин: «Очень многие испытали разочарование, увидев отяжелевшего Эдика на поле, и к тому же сильно изменившегося внешне. Он и в былые годы нередко простаивал большую часть матча, но такая выключенность убедительно компенсировалась затяжным рывком, заставлявшим публику подняться со своих мест, увидев, что Эдик принял мяч на своей еще половине поля. Сейчас же он, не отказавшись от своих привычек созерцателя, ограничивался пасами, не вполне понятными новым партнерам, не привыкшим к такому игровому

остроумию. Оставшийся без Стрельцова Иванов чаще требовал играть на себя – и совершенно прав был. А тут вдруг игрок, призванный завершать атаки, занят исключительно распасовкой. И совсем не забивает голов. Не хочет или не может? Боже мой, как же мы радовались первому голу Эдика... совсем, как мне тогда показалось, невыразительному, но позднее Стрельцов сказал, что вот такие голы («без звона») он и любит забивать... В той игре он и еще один мяч забил – ему дали пробить пенальти, вратарь угадал направление, среагировал, мы все зашлись от досады, но Эдик повторным ударом спокойно поднял мяч прямо под перекладину...»

В конце концов к середине сезона Стрельцов разыгрался так, что остановить его было уже невозможно. «Торпедо» уверенно шло к победе в чемпионате и, набрав 51 очко, заняло 1-е место. Стрельцов стал лучшим бомбардиром в команде – забил 12 мячей.

В 1966 году «Торпедо» вполне реально могло завоевать еще одну награду – Кубок СССР. Однако этого не случилось. В финальном матче с киевским «Динамо» торпедовцам не повезло и они проиграли 0:2.

В том же году в чемпионате СССР «Торпедо» заняло всего лишь 6-е место. Затем выбыло из Кубка европейских чемпионов. И хотя вины Стрельцова в этом не было, однако руководство сборной СССР решило не брать его на предстоящий чемпионат мира в Англию. Видимо, клеймо зэка все еще довлело над нашим героем. (Говорят, против кандидатуры Стрельцова возражал будущий министр культуры СССР П. Демичев.) На том чемпионате сборная СССР выступила очень удачно и заняла 4-е место.

И все же майку игрока сборной СССР Стрельцов надел: в 1967 году, когда наша сборная встречалась в Лондоне с хозяевами поля. Тот матч закончился вничью: 2:2. Затем было еще несколько матчей.

Стрельцов продолжал играть в родном «Торпедо», хотя мысли о переходе в другую команду его посещали все чаще. Дело в том, что в сезоне 1967 года команда заняла 12-е место, и тренер «Торпедо» откровенно обвинял в этом неуспехе ведущих игроков, в том числе и Стрельцова. Однако тренера вскоре сменили, и уходить из команды не понадобилось. В 1968 году «Торпедо» заняло уже 3-е место (Стрельцов забил 21 мяч, чего не добивался и в молодости, ему вернули звание заслуженного мастера спорта), в 1969-м – 5-е. Однако затем проблема ухода вновь встала перед Стрельцовым. И было тому несколько причин.

Свой последний матч за сборную СССР Стрельцов сыграл 4 мая 1968 года. Это была игра против сборной Венгрии в Будапеште – отборочный матч одной четвертой финала чемпионата Европы. Стрельцов был не в лучшей форме и даже за несколько дней до игры сказал тренеру сборной Михаилу Якушину: «Смотри, как бы я тебя не подвел». Тренер пропустил эту фразу мимо ушей. А зря.

Почти весь матч Стрельцов на поле... простоял. А когда в одном из эпизодов имел реальный шанс поразить ворота соперников, то как-то неуклюже распорядился мячом и тот в ворота не попал. Наши проиграли 0:2, что означало – в ответном матче в Москве нам требовалось забивать три безответных гола. Самое интересное, наши выигрывают именно со счетом 3:0, однако Стрельцов на поле уже не выйдет – рассерженный Якушин «отцепит» его от сборной. Как окажется, навсегда.

В сезоне 1969 года Стрельцов сыграл за «Торпедо» всего лишь 11 игр, после чего получил травму – порвал ахиллесово сухожилие. Причем случилось это с ним, когда он играл в матче за дубль. А сделал это динамовец Сергей Никулин, которого называли Коса (та, что траву косит). Вот что рассказывает об этом динамовец В. Эштреков: «Я был на том матче. Дублеры «Динамо» и «Торпедо» играли на Малой арене в Петровском парке. Эдик восстанавливался после травмы, нужна была игровая практика. А Серега и в юности на поле спуска не давал. Он не подлый. Просто, когда нет сильных качеств, что выходит на первый план? Зверская самоотверженность. Ломать Эдика, конечно, не хотел. Не удачно подкатился – разрыв ахилла. Это Стрельцова и добило...»

Так наш герой надолго выбыл из основного состава. Кроме этого, у Стрельцова испортились отношения с Валентином Ивановым, которого назначили одним из тренеров «Торпедо». Вернувшийся после травмы в строй Стрельцов не смог быстро набрать нужную форму, и поэтому его очень редко выпускали на поле. В конце концов ему это надоело и, не доиграв сезон 1970 года, Стрельцов ушел из большого футбола. «Торпедо» в том году заняло в чемпионате 6-е место.

Отыграв в «Торпедо» всю свою спортивную жизнь (1952–1958, 1965–1970), Стрельцов провел в чемпионатах СССР 222 матча, забил 100 голов. В сборной СССР (1955–1958, 1966–1968) провел 38 матчей, забил 25 голов (2 неофициальных матча, 4 гола). В еврокубках сыграл 9 матчей, 3 гола. Пять раз попадал в список «33 лучших футболистов страны»: № 1 (1956, 1965, 1968), № 2 (1966, 1967).

В «Футбольной энциклопедии» про Э. Стрельцова написано следующее:

«Необычно рано появившись в большом футболе, он сразу же занял место на острие атак «Торпедо». Стремительный рывок, смелость в единоборствах и в борьбе за верховые мячи, отличный дриблинг, сильные удары с обеих ног быстро создали Стрельцову славу грозного бомбардира. В паре с Валентином Ивановым они могли переиграть практически любую защиту...

В своем втором явлении на футбольном поле он предстал перед зрителями совершенно иным. Сила повзрослевшего Стрельцова была в умении видеть поле, отдать острый, удобный для приема пас партнеру. Уверенная обводка с использованием корпуса, хорошая игра головой, способность протаранить оборону соперника остались при нем. Но восхищали любителей футбола в игре зрелого мастера еще и его феноменальная игровая интуиция, коварные, направленные в самую уязвимую точку, удары по воротам, «фирменный» пас пяткой...»

Уйдя из футбола, Стрельцов налег на учебу – стал ездить в Малаховку, в филиал Смоленского института физкультуры. Через три года его вновь пригласили в «Торпедо» – на этот раз тренером, помощником к В. Иванову. Стрельцов согласился. «Торпедо» тогда играло прескверно, занимая 7–9-е места в чемпионате. С приходом Стрельцова ситуация изменилась: в 1974 и 1975 годах команда заняла 4-е место. В 1976 году и вовсе стала чемпионом страны. Правда, Стрельцова к тому времени в команде уже не было: он так и не вписался в тренерское руководство родным клубом.

Рассказывает А. Нилин: «Помню, Эдик рассказывал мне, как встретил Воронина незадолго до гибели (подробно об этом в следующей главе. – *Авт.*): «Пьет пиво с какими-то ханыгами. Говорю: «Валерка, иди домой!» – «Не пойду, делать там нечего». – «Да как же нечего?! Разогрей супчик, вытащи холодную бутылочку, включи телевизор...» Эдику действительно это нравилось. Мог дома часами разгадывать кроссворды, обложившись справочниками. А фильмы обожал детские и про войну...»

В последние годы своей жизни Стрельцов вел в основном домашний образ жизни: большую часть времени проводил с женой и сыном. Иногда играл в футбол за команду ветеранов. Один такой матч состоялся в 30 километрах от Чернобыля, сразу после аварии в апреле 1985 года. Как вспоминают очевидцы, футболист Андрей Якубик сразу после матча принялся тщательно мыть свои бутсы, опасаясь радиации, на что Стрельцов ему заметил: «Этим, Андрей, теперь уже не спасешься...»

После этого Стрельцов прожил еще пять лет. Весной 1990 года ему вдруг стало плохо, и его увезли в онкологический центр на Каширском шоссе. Именно там его застала весть о смерти его товарища – Льва Яшина. Побывав на его похоронах, Стрельцов сказал своим близким: «Теперь моя очередь». Он знал, что говорил. Врачи обнаружили у него рак легких. Но, зная диагноз, догадываясь, что жить ему осталось немного, Стрельцов никому из близких не показывал, что боится смерти. Более того, он всем сообщил, что 21 июля, в день своего рождения, обязательно будет дома. Однако именно в тот день ему стало плохо. Наступила клини-

ческая смерть. Врачам все-таки удалось вернуть его к жизни, но утренние газеты уже успели сообщить, что «выдающийся футболист Э. Стрельцов скончался». А он в то время был еще жив. 22 июля в 3 часа дня у него случилась еще одна клиническая смерть. И вновь его удалось спасти. Но глубокой ночью того же дня смерть пришла за ним окончательно.

Похоронили Эдуарда Стрельцова на Ваганьковском кладбище.

Футбольный денди Валерий Воронин, «Торпедо», Москва

Валерий Воронин родился 17 июля 1939 года в Москве в обычной семье. Его отец в свое время работал заведующим одесской торговлей и к спорту не имел никакого отношения. Однако свою немалую лепту в его спортивную карьеру все же внес. Какую? Не будем забегать вперед.

После войны Воронин-старший угодил в какую-то передрыгу по торговой линии и решил сменить место жительства – переехал с семьей (жена, дочь Валя и сын) в Москву. Здесь глава семейства устроился директором магазинчика в писательском поселке Переделкино. Знал многих именитых обитателей поселка, а с некоторыми даже вместе выпивал (например, с Александром Фадеевым). Чуть позже эта пагубная страсть передастся и его сыну.

Валерий в детстве, как и многие мальчишки, был страстным футбольным болельщиком и болел за столичное «Динамо». Азы футбола он постигал не у себя во дворе на Калужской, а в Нескучном саду, причем его партнерами были не мальчишки, а... две девочки, которые вместе с ним ходили в тот же сад. То ли они любили футбол, то ли самого Воронина, поскольку он был тот еще красавчик. А затем в 13 лет Воронин записался в футбольную секцию завода «Каучук». Спустя год (1953) перешел в юношеский состав московского «Торпедо», причем попал туда благодаря... своему отцу. Тот когда-то служил в армии с самим Константином Бесковым и на этой почве решил показать ему сына. А Бесков в том году как раз тренировал юношеское «Торпедо». Выпустив на поле юного Воронина, опытный тренер сразу определил в нем несомненный талант и взял в команду. И когда спустя год Бескова из «Торпедо» выставили, Воронин остался в дублирующем составе команды. Однако на протяжении последующих трех лет в основной состав его не брали, поскольку слишком сильна была тогда конкуренция и ветераны команды не желали уступать свои места талантливой молодежи.

И все же в 1959 году, при тренере Викторе Маслове, Воронин попал-таки в основной торпедовский состав. В том сезоне автозаводцы заняли 5-е место, но Воронин выходил на замену не очень часто. Однако со следующего сезона он уже стал основным полузащитником, выступая в связке с Николаем Маношиным, которого многие специалисты стали прочить на позицию Игоря Нетто в сборной, дав ему прозвище Гусь-2. Начинались 60-е, которые по праву можно назвать золотым веком автозаводцев. Ведь до этого все 50-е рвались в чемпионы, но так и не смогли ими стать. Так, в 1950 году заняли 10-е место, в 1951-м – 12-е, в 1952-м – 10-е, в 1953-м – 3-е, в 1954-м – 9-е, в 1955-м – 4-е, в 1956-м – 5-е, в 1957-м – 2-е (отстав от чемпионов, столичных динамовцев, на 8 очков – 28 против 36), в 1958-м – 7-е, в 1959-м – 5-е.

Тактически «Торпедо» в те годы играло по следующей схеме. Нападающие команды постоянно искали свободное пространство и двигались, что усложняло задачу их соперникам. Торпедовцы играли по схеме 3–3–4, поскольку популярную в те годы «бразильскую» схему 4–2–4 команда не переняла – не хватало четвертого защитника. «Торпедо» играло с тремя чистыми защитниками (Александр Медякин, Виктор Шустиков, Леонид Островский), а во время обороны назад отходил Валерий Воронин, который становился четвертым защитником (позже подобную позицию называли «передний центральный защитник», «стоппер» или «опорный полузащитник»).

В сезоне 1960 года Воронин стал полноценным игроком основного состава, сыграв 29 матчей и забив 4 гола. Тот сезон стал «золотым» для «Торпедо» – команда стала чемпионом СССР, обогнав своих ближайших преследователей – киевских и московских динамовцев на три очка (14 против 11). А затем взяла еще и Кубок СССР, обыграв тбилисских динамовцев

в дополнительное время со счетом 4:3. Причем торпедовская команда тогда была одной из самых молодых – самому старшему футболисту было только 26 лет (Воронину шел 22-й год).

«Торпедо» в тот период играло в следующем составе: М. Глухотко, А. Поликанов, А. Медакин, В. Шустиков, Л. Островский, В. Хомутов, В. Воронин, Н. Маношин, Н. Сеньюков, Ю. Хромов, С. Метревели, В. Иванов, Г. Гусаров, Б. Батанов, О. Сергеев, Ю. Фалин, К. Доронин, В. Денисов, А. Савушкин, Н. Посуэло.

Главным «забивалой» был Гусаров – 12 мячей. Далее шли: Фалин (9), Иванов (8), Батанов (7), Метревели (6), Сергеев (5), Воронин (4), Маношин и Доронин (2), Денисов (1).

Вспоминает А. Нилин:

«Валерий Воронин образца шестидесятого года не ходил в премьерях, равнозначных Валентину Иванову (один из лучших игроков «Торпедо» тех лет. – *Авт.*). Он был не более чем боевым патроном в обойме мастеров, строго избранных Масловым (даже очень высоко ценимый в «Торпедо» Валентин Денисов, стоящий, по гамбургскому счету, в одном ряду с великими и общепризнанными, не так-то много игр провел в основном составе).

Журналисты ухватились за сочетание Воронин – Маношин. Их непременно вдвоем фотографировали на обложки спортивных изданий, их пытались представить неразлучниками. Но противоречие в игровом союзе Маношина с Ворониным образовалось едва ли не сразу. Маношин восхищал широкую публику – к ней, правда, и годы спустя, примыкает оригинал Владимир Маслаченко, утверждающий, что Валерий скорее дутая величина, а Коля на голову его выше в своем высокотехничном обращении с мячом. Но внутри «Торпедо» его частенько называли «полотером».

Кстати, для знатоков журналистская версия о том, что столько значившая для новоявленного клуба линия полузащиты замыкается на Валерии Воронине и Николае Маношине, казалась абсурдной. Они видели, какой неслыханный объем работы совершает Борис Батанов, умевший отпахать и за Николая, которому не хватало выносливости. Единственный новичок в торпедовском составе Батанов, перешедший из ленинградского «Зенита», был и единственным, кого в сезоне 1960-го можно выделить наряду с Валентином Ивановым...

Сезон 1960-го принес Маношину популярности несколько больше, чем Воронину. Но у Валерия уже возникли стойкие почитатели. Помню, как знаменитый в будущем писатель-детективщик Георгий Вайнер, служивший тогда в скромной газете «За образцовое обслуживание» (кажется, она так называлась), взял себе журналистский псевдоним: Воронин. С настоящим Ворониным он, между прочим, и познакомился в Доме журналистов. О Валерии вне игрового поля – в сфере отдыха и развлечений – я от Вайнера впервые и услышал...

Впоследствии Николай Маношин не без обиды говорил, что со следующего сезона «Валера стал рваться вперед». Тесть Воронина – человек из артистического мира – настроил его выйти на первый план. В маношинских словах есть, наверное, резон. Но вряд ли одним влиянием тестя объяснима большая заметность Валерия на поле. Он становился торпедовским мотором, а Николай по своим физическим особенностям мотором быть не мог – и начал выпадать из торпедовской фирменности...»

Раз уж речь зашла о тесте Воронина, то скажем, что он был женат на артистке – танцовщице из популярного ансамбля «Березка» Валентине. Это была весьма красивая женщина. Впрочем, учитывая, что и сам Воронин был похож на лондонского денди, их пара смотрелась весьма эффектно, часто появляясь в кругах столичной богемы. Но вернемся к футболу.

В том же 1960-м Воронин впервые был приглашен в состав национальной сборной СССР. Его первая игра состоялась на выезде 4 сентября против сборной Австрии. Но дебют нельзя было назвать удачным – тот матч наша сборная проиграла со счетом 1:3. Так же неудачно сложилась и следующая игра (снова выездная) с участием Воронина – против сборной Польши (21 мая 1961 года), где наши спортсмены уступили с минимальным счетом 0:1. И только в третьей игре (это был отборочный матч чемпионата мира) нам повезло: 18 июня мы обыграли

сборную Турции со счетом 1:0, причем единственный гол забил именно Воронин. Кстати, свой следующий гол в майке игрока сборной СССР наш герой забьет спустя три года – 27 мая 1964 года в матче Кубка Европы против сборной Швеции в Москве. Наши тогда победили со счетом 3:1.

Тем временем в сезоне 1961 года «Торпедо» не смогло повторить свой прошлогодний успех, заняв всего лишь 2-е место. А «золото» чемпионата взяли киевские динамовцы, сумевшие в одном матче сыграть с торпедовцами вничью (1:1), а второй выиграли (2:0). В итоге торпедовцы отстали от них на четыре очка (41 против 45).

Проиграли торпедовцы и Кубок СССР, уступив в финальной игре донецкому «Шахтеру» 1:3. За это поражение из «Торпедо» был уволен ее тренер Виктор Маслов. Что не могло не сказаться на игре его бывших подопечных, которые очень уважали своего наставника. А тут еще и шлейф «пьющей» команды, который зацепился за «Торпедо» в те годы. К тому же и интриги в высших сферах тоже не стоит сбрасывать со счетов – новый суперклуб в Москве был никому не нужен (естественно, кроме самих зиловцев).

Короче, в чемпионате 1962 года торпедовцы скатились вниз турнирной таблицы – на 7-е место (чемпионом стал московский «Спартак», обогнавший торпедовцев на 10 очков – 32 против 22). После этого в команде случился раскол – ее покинули лучшие игроки: Слава Метревели (перешел в тбилисское «Динамо»), Леонид Островский (в киевское «Динамо»), а Геннадий Гусаров (лучший бомбардир команды, забивший в сезоне 1962-го 22 мяча) влился в ряды московского «Динамо».

Вполне мог бы покинуть «Торпедо» и Воронин, благо предложений от разных клубов ему поступало предостаточно. Но он был патриотом своей команды и категорически отметал любые предложения о переходе в другую команду. Заводское начальство за это его отблагодарило – предоставило трехкомнатную квартиру недалеко от стадиона «Торпедо», на Автозаводской улице.

Однако исход игроков не мог не сказаться на игре торпедовцев. В результате в чемпионате 1963 года, в котором приняли участие 20 команд, «Торпедо» финишировало десятым, отстав от чемпиона (московского «Динамо») на 15 очков (40 против 55). Однако в список 33 лучших футболистов вошли сразу трое торпедовцев: Воронин, Иванов и Шустиков. Причем все – под номером 1.

Перед чемпионатом 1964 года «Торпедо» пополнилось большим количеством исполнителей, которые должны были заменить прежних лидеров. С новыми игроками и тренером (Виктором Марьенко) команда снова заиграла мощно и вплоть до последних матчей боролась с тбилисским «Динамо» за чемпионство. Причем «Торпедо» имело реальный шанс обогнать тбилисцев, но фортуна от них отвернулась. В матче против киевских динамовцев, когда на табло был счет 1:1, в ворота динамовцев был назначен пенальти. К мячу подошел лидер команды Валентин Иванов. Удар – вратарь Банников отбивает мяч. В итоге «Торпедо» и «Динамо» (Тбилиси) набрали по 46 очков и должны были проводить «золотой матч» за первое место, который был сыгран на нейтральном поле – в Ташкенте, на стадионе «Пахтакор». Основное время завершилось вничью 1:1, но в дополнительное время «Торпедо» пропустило три гола – 1:4.

Валерий Воронин тогда провел один из самых своих блестящих сезонов. По словам Э. Стрельцова:

«...Он был уже по-своему даже выше Кузьмы (так одноклубники звали Валентина Иванова, у которого было отчество Кузьмич. – *Авт.*). Я бы не сказал, что Иванов стал играть с годами хуже, он и закончил выступать, на мой взгляд, преждевременно, – и взрывная стартовая скорость и хитрость игровая оставалась при нем. С Кузьмой по-прежнему трудно было кого-либо сравнивать в тонкости понимания, в тонкости исполнения в решающий момент. Он всегда точно знал, отдашь ты ему мяч или нет.

Но Воронин играл, как бы это сказать, объемистее, пожалуй. Объем высококлассной работы, им производимой, просто удивлял. Диапазон действий был громадный. А головой он играл так, как ни мне, ни Кузьме не сыграть было...»

А вот еще одно мнение – уже знакомого нам журналиста А. Нилина: «Хорошо помню Воронина в игре. В трудную минуту как бы в мгновение ока переносился в горячую точку возле своих ворот и неуловимым движением уводил мяч из-под ног атакующих. Или вдруг врывался в штрафную площадку противника и, вытянув на себя дрогнувшую защиту, выдавал хитроумный, голевой пас своему форварду. Но более всего, как ни странно, он восхищал меня своей игрой в центре поля, когда, приняв мяч каким-то грациозным, кошачьим движением, Воронин поднимал голову, отрывая взгляд от укрощенного зверя, и, молниеносно оценив расположение перемещавшихся фигур на шахматной доске футбольного поля, так распоряжался мячом, что невольно вырывался вздох восхищения...»

Прекрасно складывались дела Воронина и в составе сборной СССР, которая на чемпионате Европы – 64 завоевала серебряные медали. Наши спортсмены выиграли три матча из шести (у итальянцев 2:0, шведов 3:1, датчан 3:0, два матча свели вничью – с теми же итальянцами 1:1, шведами 1:1). В финальной игре сборная СССР встречалась с командой Испании на поле соперника – в Мадриде (21 июня 1964 года). Стадион был забит под завязку – пришло 120 тысяч зрителей. Игра началась бурными атаками испанцев, которые уже на 6-й минуте открыли счет. Однако спустя всего несколько минут Галимзян Хусаинов восстановил равновесие. А во втором тайме, когда до конца игры оставалось всего шесть минут и зрители настроились на дополнительное время, испанец Марселино сделал прострельную передачу в нашу штрафную и Переда забил нам красивый гол. 2:1, увы, не в нашу пользу, и кубок «уплыл» к испанцам. На этом турнире Воронин забил два гола: шведам и датчанам.

В том же 1964 году впервые был проведен опрос среди спортивных журналистов страны для определения лучшего игрока СССР – большинство голосов было отдано за Валерия Воронина.

А вот еще одна история о Воронине времен его пребывания в сборной СССР. Рассказчик – Владимир Пономарев из ЦСКА:

«...В Бразилии дело было. Воронин рассказал, что побывал в местном борделе. Нам с Хмельницким любопытно, оба холостые. Берем такси – и туда. У Хмеля случилась заварушка. Уж не знаю, что он там хотел творить, но девица заартачилась. Шум, гам. Выскакиваю на лестницу, какая-то болонка твякает. Пнул ее ногой. Хозяйка вызвала полицию. Проверили документы, обозвали «крейзи» и отпустили.

В Сантьяго еще веселее. Сыграли товарищеский матч с «Коло-Коло». На банкете каждому раздали визитные карточки. Воронин, знавший английский, разобрался – у «Коло-Коло» собственный бордель! По этим карточкам для гостей бесплатно все – девки, выпивка, еда. Поехали большой компанией. Через год снова играли в Сантьяго. После матча с карточками рванули по знакомому адресу. Обрадовались нам, как родным.

Поэт Евгений Евтушенко потом описывал те чилийские приключения и написал, что Воронин пошел со всеми, но просидел целый вечер в стороне, играя сам с собой в шахматы. Но в стороне сидел не Воронин, а Шестернев. Ни в какие шахматы не играл, водку пил. Алик – тёпа, с девушками был застенчив. Не понимал, как себя с ними вести, о чем разговаривать...»

А вот еще одна история от того же рассказчика: «...Отыграли со сборной в Швейцарии. Ужин. Морозов распорядился, чтоб на столе – никакого алкоголя. Спрашивают: «Кому первое?» Помимо меня руки подняли человек восемь. Воронин пошел на кухню и договорился, чтоб вместо супа нам разлили водку. Куда? По тарелкам. Повара и официанты обалдели. Но принесли – и мы ложками вприкуску с хлебушком быстренько все вылакали. Естественно, тут же развезло. Морозов в шоке. Вроде не пили, а полкоманды еле на ногах стоит...»

В 1965 году в «Торпедо» вернулся легендарный Эдуард Стрельцов, отсидевший в тюрьме. Однако тот чемпионат начался для торпедовцев неудачно – они проиграли в Баку местному «Нефтчи» с разгромным счетом 0:3. Однако потом игра «Торпедо» стабилизировалась. Как итог: то бакинское поражение будет единственным у «Торпедо» в первом круге и зилловцы возглавили турнирную таблицу чемпионата после первого круга. Воронин был в ударе, буквально пара над полем. Но потом случился один весьма болезненный момент.

В начале июля Воронина привлекли в сборную страны, которой предстояло 4 июля встретиться в Лужниках с «кудесниками мяча» – бразильцами, во главе с самим Пеле. Матч хоть и был товарищеский, но вызвал небывалый ажиотаж. Воронин прикрывал Пеле и, учитывая тот кураж, который владел им в играх союзного чемпионата, должен был не подкачать. Но на деле вышло иначе. В ударе оказался Пеле, который забил в том матче два гола из трех бразильских. Наши футболисты не забили «кудесникам» ни одного. Говорят, Воронин после этого матча долго ходил сам не свой. Правда, на его игре на чемпионате СССР это не отразилось – «Торпедо» продолжало лидировать. И, несмотря на то что торпедовцы проиграли своим ближайшим преследователям – киевским динамовцам (2:3), однако «Торпедо» сумело набрать на одно очко больше (51 против 50) и во второй раз стало чемпионом СССР. Дирижером атак был Стрельцов, который на удивление быстро ориентировался на поле и точными передачами выводил партнеров на ударные позиции.

Из прежнего «золотого» состава «Торпедо», ставшего чемпионом в 1960 году, в команде осталось всего пять игроков: В. Шустиков, В. Воронин, В. Иванов, Б. Батанов и О. Сергеев. Остальные были новичками (за исключением Эдуарда Стрельцова): А. Кавазашвили, В. Марушко, В. Бреднев, В. Сараев, В. Щербаков, В. Андреюк, В. Михайлов, А. Мушковец, В. Сидоров, А. Ленев, В. Соловьев, Э. Шаповаленко, В. Мещеряков.

Из них главным «забивалой» был Стрельцов – 12 мячей. Далее шли: Воронин и Иванов (7), Михайлов (5), Бреднев и Сергеев (4), Сидоров (2), Ленев и Соловьев (1).

Благодаря этой победе «Торпедо» стало первым советским клубом – участником Кубка европейских чемпионов. И хотя тот «поход» завершился неудачей, однако проиграли торпедовцы в упорной борьбе. Уже в первом раунде жребий свел их с двукратными обладателями этого трофея – миланским «Интером». Итальянская команда славилась невысокой результативностью и крепкой оборонительной тактикой «катеначчо», которую использовал наставник Эленио Эррера. Первый матч игрался в Милане и завершился с минимальным преимуществом хозяев – 1:0. Потом был матч в Москве, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, который вызвал небывалый ажиотаж – на него пришло 105 тысяч зрителей. Итальянцы заперлись у своих ворот и оборонялись практически все 90 минут игры. Торпедовцы так и сумели «распечатать» их ворота. Табло зафиксировало ничейный результат – 0:0.

Воронин тогда находился в зените своей славы, был одним из самых популярных футболистов страны. Числился по разряду богемы. Рассекал по Москве на престижном автомобиле «Волга», был завсегдатаем лучших столичных ресторанов – «Арагви» и ВТО (оба на улице Горького, поблизости друг от друга). А в 1966 году у него даже был шанс стать... киноактером, снявшись в фильме Марлена Хуциева «Июльский дождь». Но из этой затеи ничего не вышло, причем по вине самого Воронина. Вот как об этом вспоминает А. Нилин:

«Мой приятель детства пришел в бар с нашей отечественной звездой Натальей Фатеевой. И у меня мелькнула мысль – к тому времени по бутылке водки с наценкой ресторанной уже выкушали – переориентировать Фатееву, представив ей Воронина. И подозвал к нашему столику счастливого обладателя домашней звезды и осторожно спросил: увлекается ли он футболом? Он ответил, что нет. Я все же спросил: может быть, он узнает человека, который сидит рядом со мной? «Посуэло?» – предположил он. Миша Посуэло, прибывший на фестиваль, хотя в «Зените» еще, кажется, играл, находился здесь же в баре. Но сидел за другим столиком со своей возлюбленной – тоже советской кинознаменитостью Викторией Федоровой.

В баре присутствовал и человек, разбиравшийся в футболе еще меньше спутника Натальи Фатеевой и вообще ничего не слышавший про Воронина, – кинорежиссер Марлен Хуциев. Он, однако, обратил на Валерия внимание сразу же, как только тот вошел в зал. Хуциев готовился снимать фильм «Июльский дождь» – и нужен ему был для главной роли молодой мужчина с непривычной для нашего кинематографа внешностью. И вот в человеке, вошедшем в бар, режиссер увидел черты экранного героя, им воображаемого. Но Хуциев заранее расстроился, заподозрив в нем иностранца, а в те времена снимать в своем фильме иностранца никто бы ему не позволил. Своими сомнениями он поделился с актером, сидевшим рядом. Тот – болельщик футбола, разумеется, – утешил его, сообщив, что это не иностранец, а Валерий Воронин. Хуциеву фамилия Воронина ничего не говорила, но, захваченный идеей съемок вот такого именно нездешнего брюнета, он обратился к Воронину: «Для вас есть работа на полтора года» – и начал соблазнять его интересной ролью. «Я не альтруист, – почему-то в таких выражениях отозвался, отказываясь от предложения, Воронин, – у нас в конце лета поездка в Южную Америку, дальше Италия, а там уже и Лондон». У Хуциева голова кругом пошла от всей опрокинутой на него географии. И он, когда Воронин откланялся, поспешил спросить у соседа-болельщика: кто же по профессии молодой человек, которому чуть ли не кругосветное путешествие предстоит? И, узнав, что – футболист, изумился: никогда не думал, что они такие умные!

В фильме «Июльский дождь» он снял Александра Белявского, похожего внешне на Воронина...»

В июле 1966 года Воронин в составе сборной СССР отправился на чемпионат мира по футболу в Англию. Однако тренер Николай Морозов взял его на чемпионат вторым номером, а первым – Йозефа Сабо. В итоге в первом матче, против сборной Кореи, Воронин не играл. Наши выиграли 3:0. Потом была игра с итальянцами, где Воронина выпустили на поле. Игры он не испортил, и наши снова выиграли – 1:0. Затем сборная СССР (а с ней и Воронин) победила чилийцев (2:1), венгров (2:1). Однако в матче одной восьмой финала со сборной ФРГ наша сборная уступила 1:2. После чего встретилась с португальцами в матче за 3-е место. Воронин снова играл, однако игра у нас не задалась, и мы уступили 1:2. Итог: 4-е место. Как заявил в одном из интервью сам В. Воронин: «Мы в команде строили самые разные предположения. Я словно бы объединил все эти прогнозы, отбросив крайние. Не сомневался, что из подгруппы выйдем в четвертьфинал, не сомневался также, что становиться чемпионами нам рановато. А вот любое место со второго по восьмое могло быть нашим. Но и четвертое место – шаг вперед...»

А вот что вспоминает о самом Воронине его партнер по торпедовскому клубу В. Шустиков:

«Валерка шустрый был. Повсюду ездил с учебником английского. Изучал язык, собиравшись работать журналистом-международником. Поехали как-то в Британию и даже переводчика брать не стали – все Валерка переводил. На том чемпионате в Лондоне сама королева Англии вручила ему приз как самому элегантному игроку...»

Валерка водил дружбу со знаменитыми советскими актерами, поэтами, драматургами. Тогда ведь «Торпедо» было страшно популярно, за нас болела вся богема – Александр Ширвиндт, Олег Даль, Аркадий Арканов, поэт Андрей Дементьев. Олег Даль как-то позвал игроков в «Современник» и прямо во время спектакля спросил, какого числа у «Торпедо» следующий матч...»

И еще одно воспоминание – от А. Нилина:

«Однажды на сборах в Югославии зашел к нашим футболистам в гостиницу Шнеллингер (немец, выступавший за итальянский клуб) – «Шнеля», как называл его всегда Воронин, – и случайно выяснил в разговоре, какие копейки в качестве мифических для иностранца «суточных» получают европейски знаменитые футболисты из СССР вроде Яшина. «Шнеля» аж в

лице изменился: «Вы же за эти деньги и сувенира домой привезти не сможете» (об изворотливости советских людей ему откуда же было знать). И на следующий день опять зашел – приятелей не застал, но оставил им хорошие подарки для семей и по толстому пакету с ассигнациями: «Мне и Леве, а суммы называть не буду», – хитро улыбался Воронин...

Валерий играл в бутсах «Адидас», за что получал от фирмы весь комплект амуниции. Но перед лондонским чемпионатом конкуренты «Адидас» – «Пума» (наши спортсмены говорили: Рита) – вручили Воронину сто фунтов стерлингов за обещание выступить в их футбольной обуви. Когда приехали в Лондон, представитель «Адидас» спросил его: «Ты, как всегда, играешь в наших бутсах?» Тут он вспомнил про задаток, выплаченный «Ритой». «Адидас» вернул «Пуме» эти сто фунтов, а Валерию тайно выдал пятьсот. И, кроме того, на таких же условиях договорился с протежируемыми Ворониным «Мухой» и «Осой» – Метревели и Численко...

Между тем в чемпионате СССР 1966 года от бывшего «Торпедо» уже не осталось и следа – команда заняла 6-е место, а чемпионство досталось киевскому «Динамо». У торпедовцев после этого повесили бутсы на гвоздь два лидера – Валентин Иванов и Борис Батанов.

В сезоне 1967 года «Торпедо» выступило провально – заняло 12-е место, отстав от чемпиона – киевского «Динамо» – почти на 20 очков (33 против 54). Для Воронина это был самый неудачный сезон. Не случайно он тогда угодил в скандальную хронику.

Как я уже отмечал, Воронина называли «денди» или «принцем советского футбола». Рано познав пьянящий вкус славы, он все чаще стал позволять себе вольности со спиртным. Гостеприимный ресторан ВТО, где собиралась богема столицы, стал его родным домом. С молодой мировой знаменитостью считали за честь познакомиться даже отпрыски влиятельных особ, включая и дочь Леонида Брежнева – Галину, работавшую в агентстве печати «Новости» (АПН). Вспоминает А. Нилин:

«В начале шестидесятых бедному и начинающему актеру Владимиру Высоцкому крайне лестным казалось познакомиться с уже известным всей стране Ворониным. Да и знаменитости не упускали случая быть ему представленными. Восьмого марта года шестьдесят седьмого, наверное, в битком набитом по случаю женского праздника ВТО мы теснились не в обиде за одним столиком с ним, со Шпаликовым и еще полдюжиной подсевших завсегдатаев – и Гена шепнул мне: «Скажи ему, кто я», а Воронин, услышав, что пьет с автором песни «А я иду, шагаю по Москве», великодушно и дружелюбно приподнял рюмку: «Уважаю...»

Или еще случай: Валерий все из того же ресторана вышел на улицу Горького – позвонить по автомату, а когда возвращался, швейцар Володя из придури, которая на него иногда находила, не захотел впускать его обратно, делая вид, что не узнает – у Володи брат в двадцатые годы играл за сборную СССР, но сам привратник Троицкий (сын священника) никогда на футболе не был. Евгений Евтушенко, не разобравшись в ситуации, выразил готовность повлиять на Володю своим авторитетом, но рекомендовал рвущемуся в ресторан молодому человеку (Воронину) запомнить день, когда провел его в Дом актера первый поэт страны. И не хотел верить, что перед ним тот самый Воронин. Тогда Валерий поспорил с ним на десять бутылок шампанского и пошел в гардероб – вынуть из кармана пальто свой паспорт. В торжественном распитии шампанского приняли участие и все официантки – засиделись, как это принято было у работников искусства, после закрытия ресторана...»

А вот еще один рассказ – от Валерия Маслова: «Однажды Численко из московского «Динамо» и Валерка в Сочи укатили. Прямо перед матчем наших клубов. Вернуться не успели. Мы победили 1:0, я в конце «тыкву» удачно подставил. Бесков грозился выгнать Число. Но вся команда встала на его защиту: «Он же Воронина выключил из игры!» Бесков махнул рукой: «Ладно, черт с ним». А Воронина от дисквалификации спас парторг ЗИЛа Аркадий Вольский. Воронин пришел к нему каяться и неожиданно спрашивает: «Аркадий Иванович, вы когда-нибудь любили?» Тот смутился, а Воронин продолжает: «Я улетел в Сочи с девушкой, которую люблю. Советую и вам иногда так поступать...» Изумленный Вольский его простил. Хотя

нам Ворона потом говорил, что от дисквалификации его спас «Адидас». Хорст Дасслер, сын владельца этой фирмы, Валерку обожал. Ездил за нашей сборной повсюду. Помню, в Австрии сидим втроем, Хорст предлагает нам сыграть в «Адидасе» и спрашивает: «Валер, долларов по четыреста ребятам за товарищеский матч – нормально?» – «Еще бы!» Так вот, Хорст поднял шум в Европе: мол, у русских единственный футболист мирового уровня, а его дисквалифицировать хотят. И наши спустили на тормозах. Если бы не это – полгода Валерка точно бы кувырчался. 400 долларов по тем временам – неплохие деньги...»

Слава явно кружила голову Воронину. Его друзья и коллеги по спорту долго взирали на «шалости» кумира, но после очередного скандала их нервы не выдержали. О перипетиях той истории вспоминает второй ее участник – тогдашний футболист столичного «Спартака» и приятель нашего героя Михаил Посуэло:

«Пришел я на матч «Торпедо» – «Нефтчи» на Валерку Воронина посмотреть. А он не играет. Вдруг вижу – откуда-то карабкается. Решили отметить встречу. Гульба шла по всей Москве. Попали в валютный бар «Националя». Сидим, пьем шампанское. И вдруг «бригады»-кормильцы. Бригада милиции то есть. «Откуда у вас валюта?» Я им разрешение показываю: для отца часто приходилось деньги менять (отец у Посуэло был испанец. – *Авт.*). Они Валерку спрашивают. Он говорит: «А я люблю валюту в кармане держать». – «Ах так?» Нас крутят, ведут к Моссовету, где-то там у них был штаб. Идем, а Валерка говорит: «Миш, давай их на скорость проверим?» И как рванем. Остановились метрах в тридцати: «Чего вы, ребята? Догоняйте». Ну, мы бегать больше не стали, пошли в участок.

Валерка как достал свое удостоверение заслуженного – они сами прощения попросили. Да еще шампанского принесли. Вышли, поехали к знакомому художнику на Таганку. Утром решили пивка выпить с сушечкой. Ларек. Пьем пиво. И дождик накрапывает. Я говорю: «Дождик идет. А в Сочи дождика нет». Валерка: «А что же мы, дураки, здесь делаем?» В машину, аэропорт – и в Сочи. Интересная эпопея. Три дня там были. А Валерке за сборную играть. А мы на море. В гостиницы не селились – чтобы не засекли. Сняли сарай у бабки. Железные кровати, матрасы на них, и все. Днем особенно не светились. Гуляли в основном ночью. У нас все было культурно. Мы и с девчонками всегда вели себя элегантно.

Когда вернулись, договорились: ты меня не видел, я – тебя. Разбежались. Валерка – в сборную, я – в баню. Иду, навстречу Игорь Численко: «Как на море-то? Чего меня не взяли?» Я говорю: «Игорек, какое море? Ты о чем?» Он: «Да ладно, все знают, что вы на море с Валеркой были». Прихожу на работу, на завод Лихачева. «Миш, ты где был-то?» Говорю: «Болел. Консервами отравился». А Валерка еще подсказал, где справку взять. Я справку отдаю, а Вольский, парторг завода, мне на это: «Ну, ты хорошо травишься! Чем, осетриной?» Я: «Какой осетриной? Килькой в томатном соусе». А он пачку фотографий на стол. Кто-то с завода был в Сочи и заснял нас во всей красе: с шашлыком и киндзмараули. «Ну, – говорю, – извините, виноват». И пошел. В Сибирь...»

Посуэло после этого скандала действительно вынужден был уехать из Москвы в Читу, где устроился работать на шахту. Воронина тоже по головке не погладили – хорошенько пропесочили в центральной прессе. 25 августа 1967 года в «Комсомольской правде» было напечатано открытое письмо комсорга сборной СССР по футболу и коллеги Воронина по столичному «Торпедо» Анзора Кавазашвили. Письмо называлось хлестко: «Одумайся, Валерий!» Привожу его текст полностью:

«Я решил написать тебе, Валерий, хотя в общем-то странно прибегать к такому способу общения, живя в одном городе, играя в одной команде, которая всегда была для нас вторым домом. Впрочем, с некоторых пор коллектив твоих товарищей по команде, кажется, стал тяготить тебя. Образно выражаясь, ты сегодня превратился в «блуждающего полузащитника», а говоря точнее – пустился в бега от коллектива и семьи. Некогда комсомольский вожак

команды, ее капитан, ты нынче забыл о чести спортсмена, о добром имени многотысячного коллектива физкультурников автозавода имени Лихачева.

Не так давно ты совершил самовольный вояж на черноморское побережье. Как и прежние твои подобного рода отлучки, сошел он тебе с рук. Еще бы, «Воронин есть Воронин» – считают иные руководители Центрального совета спортобществ, курирующие наш футбол. Подобное потакание и привело к тому, что снова фамилия Воронин, а заодно и столь дорогое и близкое всем нам имя «Торпедо» склоняются на все лады. Клуб действительно переживает трудное время: в этом сезоне нам редко удавалось показывать свою «торпедовскую игру» (на момент появления письма «Торпедо» занимало 8-е место. – *Авт.*). Причин тому немало. И вот чтобы разобраться в каждой из них, несколько дней назад все игроки коллектива вместе с партийным, профсоюзным и комсомольским активом завода обсуждали положение дел в команде. Все без исключения ребята пришли на это собрание. Не было среди них только тебя, Валерий. А ведь к твоему слову, слову ведущего игрока, члена сборной команды страны, конечно, прислушались бы молодые футболисты.

Признаюсь, меня твое отсутствие огорчило, но не удивило. Это не единственный случай, когда ты подвел коллектив. Вспомни, что ты не явился на наш недавний кубковый матч с московским «Динамо», вынудив тем самым выйти на поле травмированного Стрельцова, которому врачи запретили пока выступать. Конечно, мы могли бы проиграть этот матч и вместе с тобой, как терпели поражения в этом сезоне, выступая в своем лучшем составе. Но сейчас речь не о потерянных очках, забитых и пропущенных голах, а о тебе, нашем товарище, сбившемся с пути. Мне долго не было понятно, чем ты руководствуешься в своих поступках. Но сегодня я знаю точно: только одним – сознанием полной своей безнаказанности.

Тебе многое прощается, Валерий. Прощали тебе прошлые твои грехи прежние тренеры. Но каждый раз, дав очередное обещание исправиться, ты вновь и вновь подводил и их, и команду. Так ты подвел сейчас и нашего наставника. Кстати, вспомни, ты был одним из первых, кто назвал кандидатуру нового тренера Валентина Кузьмича Иванова, своего недавнего партнера по «Торпедо» и сборной команды страны. И вот первым ты и наносишь ему удар.

Было время, когда мы любовались твоей игрой, гордились тобой, узнав о твоём включении в состав сборной команды Европы. Но столь громкая слава оказалась для тебя непосильной ношей.

В редакции «Комсомольской правды» мне показали немало писем любителей футбола с одним вопросом: «Что случилось с московским «Торпедо» и почему в последних матчах не выступает Валерий Воронин?»

Думаю, что лучше всего на них сможешь ответить ты сам, если сумел за это время дать правильную оценку своим поступкам».

От коллектива редакции это письмо прокомментировал Ю. Арутюнян. Приведу лишь небольшой отрывок из этой публикации: «...Я убежден, что автозаводцы найдут в себе силы не только подняться выше в турнирной таблице, но и поднять вместе с собой тех футболистов, которые, подобно Валерию Воронину, так низко опустились. Ну а если Валерий не примет протянутой руки товарищей, от имени которых к нему обратился Анзор, то пусть пеняет на себя. Когда-то «Торпедо» вышло из прорыва, потеряв шесть игроков. Сейчас же речь идет об одном. Пусть даже таком знаменитом, как В. Воронин».

К сожалению, эта публикация так и не смогла изменить траекторию трагической судьбы Валерия Воронина. Впрочем, не будем забегать вперед.

Итак, в сезоне-67 «Торпедо» заняло позорное 12-е место, хотя в прошлом сезоне было шестым. Однако в 1968 году команда предстала перед своими поклонниками куда более сильным и слаженным коллективом и завоевала бронзовые медали первенства, отстав от чемпионов, киевских динамовцев, на 7 очков (50 против 57). На 2-м месте был столичный «Спартак»,

который опередил «Торпедо» всего на 2 очка. На 4-м месте расположился ЦСКА, который догнал торпедовцев по очкам, но проиграл им обе игры: 0:3 и 0:2.

Но самое печальное, что Воронин к этому успеху своих одноклубников не был причастен. Хотя тот год начался для него более чем успешно. В апреле он вновь был привлечен к играм за сборную СССР и сыграл четыре матча: против сборных Бельгии (товарищеская встреча, 1:0), Венгрии (одна четвертая чемпионата Европы, 2:0 и 3:0), Чехословакии (отборочный цикл Олимпийских игр, 3:2). Последний матч игрался в Москве 11 мая. Причем ему предшествовало ЧП на сборах в Вешняках, когда оттуда исчезли сразу трое игроков сборной СССР. Среди последних оказался и Воронин. Правда, если двое его товарищей покинули расположение сборной и уехали кутить в Москву, то наш герой выпивал с неким рабочим из обслуживающего персонала на... чердаке их вешняковского коттеджа. Однако тренер Михаил Якушин был в ярости и собирался «отцепить» всех троих из сборной. Но потом прикинул, чем это отчисление может аукнуться, и выставил штрафников на матч с чехословаками. Наши, как уже говорилось, победили.

Видимо, эйфория от этой победы вскружила Воронину голову – он продолжал на сборах куролесить. В итоге Якушин вновь застал футболиста за бутылкой и объявил ему свой окончательный вердикт: вон из команды. Чуть позже игроки сборной будут жалеть: им бы отобрать у Воронина ключи от его «Волги» и уложить спать. А они отпустили его в город. В итоге случилась трагедия.

Поскольку «Волга» Воронина находилась в Москве, он отправился в столицу на такси – занять у знакомой буфетчицы денег и забрать свою машину. На занятые деньги футболист купил водки и вместе с той же буфетчицей отправился куролесить за город. После любовной оргии Воронин отвез любовницу домой, а сам не нашел ничего лучшего, как вновь усесться за руль своего автомобиля и отправиться на предрассветную прогулку. Поездка длилась недолго, поскольку очень скоро «Волга» футболиста на полной скорости врезалась в МАЗ с краном (видимо, Воронин заснул за рулем). Удар был настолько сильным, что руль «Волги» пробил крышу, а сама она несколько раз перевернулась и вновь встала на колеса. Жизнь Воронину спасло чудо – незакрепленное (для любовных утех) сиденье. Но удар пришелся в голову, переломанными оказались ребра и конечности. У Воронина случилась клиническая смерть, из которой его вытащили врачи. Однако к жизни вернулся уже другой Воронин – изуродованный. Даже друзья, навестившие его в больнице, не узнали своего товарища, которого совсем недавно называли «денди». Поэтому свое 29-летие, наступившее через два месяца после аварии, Воронин встретил другим человеком.

Осенью Воронин стал снова появляться на людях, пытаясь держаться браво. В одном из газетных интервью даже заявил, что думает о мировом чемпионате 1970 года, надеясь выступить на нем в составе сборной СССР. Но в это заявление мало кто верил.

Весной 1969 года Воронин вернулся на поле, начал выступать за дубль «Торпедо». А осенью Валентин Иванов ввел его в основной состав торпедовского клуба, найдя ему место для игры на «свободных мячах». И в одной из игр, с московским «Динамо», Воронин даже отметился голом – забил со штрафного самому Льву Яшину. Но в целом игра Воронина выглядела бледной копией того, что он показывал до аварии. Короче, с большим футболом ему пришлось расстаться.

Отыграв в «Торпедо» всю свою спортивную жизнь (1956–1969), Воронин провел в чемпионатах СССР 219 матчей, забил 26 голов. В сборной СССР (1960–1968) провел 66 матчей, забил 5 голов (1 неофициальный матч). В 1965 году Воронин был выбран капитаном сборной СССР. В еврокубках он сыграл 7 матчей, забил 1 гол. Пять раз попадал в список 33 лучших футболистов страны: № 1 (1961, 1964, 1965), № 2 (1960, 1966).

В «Футбольной энциклопедии» про В. Воронина написано следующее: «Атлетически сложенный, работоспособный и трудолюбивый, выделялся большим диапазоном действий,

широким тактическим кругозором, тонкой позиционной игрой. Владея рациональной и надежной техникой обработки мяча и обводки, хорошим отбором мяча, умением сделать своевременную и точную передачу на любое расстояние, Воронин отлично справлялся с любыми игровыми заданиями – от организации атакующих действий до персональной опеки соперника, был футболистом-универсалом. Хорошо играл головой, обладал поставленным ударом с обеих ног. Будучи одним из самых популярных футболистов страны 60-х, элегантный, с внешностью киногероя (по определению известного журналиста А. Нилина), он не выдержал испытания славой...»

После того как Воронин повесил бутсы на гвоздь, он числился инструктором физкультуры на ЗИЛе, а также входил в редколлегия газеты «Футбол-хоккей» и писал заметки для этого издания. От него же имел возможность попадать на разного рода важные спортивные мероприятия. Например, осенью 1972 года присутствовал в Лужниках на матчах легендарной Суперсерии между советскими и канадскими хоккеистами. Пришел он туда не один, а со своей очередной любовницей – молоденькой продавщицей из магазина «Людмила», что рядом с Курским вокзалом. Воронина многие узнавали, а Александр Якушев подарил ему в тот раз клюшку. Короче, потерянним бывший футболист не выглядел.

Однако у него было выше крыши свободного времени, которое он все чаще стал посвящать выпивке. Чаще всего он выпивал со случайными собутыльниками, перед которыми хвалился своими былыми связями с самыми именитыми людьми страны. Например, однажды рассказал им, что был знаком с самим Владимиром Высоцким, когда тот еще не был тем Высоцким, которого знала вся страна, и выпивал с ним в ВТО. Когда собутыльники подняли его на смех, Воронин тут же позвонил журналисту Александру Нилину и попросил его подтвердить по телефону рассказанное им только что про Высоцкого.

Еще про один случай вспоминает тот же А. Нилин:

«... В редакцию «Футбола» он пришел десятилетия спустя рано утром, никому не нужный и неузнаваемый в толпе после увечий, полученных в автокатастрофе, – и на удивленный вопрос молодого сотрудника «Советского спорта» Саши Владыкина, лично незнакомого с великим футболистом, ответил, что пришел к Радчуку за снимком.

Над столом ответственного секретаря Геннадия Иосифовича Радчука висела в рамке сильно увеличенная фотография, где азартно раздосадованный, стройный и красивый, как молодой бог, Валерий Воронин в майке сборной пытался догнать схожего с негритянским спринтером Пеле в белых, укрупняющих приземистую фигуру, бразильских одеждах, уводящего от него мяч внутренним разворотом стопы...

Он не дождался Радчука – и тот потом удивлялся неурочному визиту: ответственный секретарь ничего Валерию не обещал, снимок ему самому дорог. Тонкий человек Гена, прекрасно относившийся к Воронину, возможно, и не понял, что большому мозгу (а может быть, и душе) потребовалось подтверждение былого величия, в которое все реже верило новое окружение. Мрачным, похмельным утром прежняя жизнь казалась приснившейся.

В конце жизни такого рода – о близости к самым знаменитым людям страны и мира – подтверждения требовались ему все чаще...»

В 1974 году Воронин едва не сел в тюрьму за хулиганство все по той же пьяной лавочке. Как-то он выпивал в ресторане «Огонек», с кем-то повздорил и запустил в обидчика стаканом. Тот угодил в голову и нанес мужчине серьезную травму. Воронину грозил срок, но помогла его старшая сестра Валентина, у которой муж служил в органах. Они нашли хорошего адвоката по фамилии Трахтенберг, который сумел отмазать бывшего футболиста от зоны.

Между тем на почве пьянства развалилась семейная жизнь Воронина – от него ушла жена Валентина. Все чаще его домом стала психиатрическая клиника, после которой он возвращался... бодрым и посвежевшим. Воронин мечтал работать тренером в родном «Торпедо»,

но начальство боялось его брать на эту должность, опасаясь загулов. В итоге тренером он так и не стал.

А его родной клуб в те годы выступал весьма неплохо. Так, если в 1973 году «Торпедо» заняло в первенстве СССР 13-е место, то в следующие два года уже 4-е. Правда, в 1976-м, в весеннем чемпионате, откатилось на 12-ю позицию. А осенью случилась сенсация – торпедовцы стали чемпионами. А вот их земляки спартаковцы вылетели из высшей лиги, причем без участия зилковцев, которым достаточно было сыграть вничью с «Араратом» (как и ЦСКА и «Локомотиву» с «Днепром» и «Зарей»), и «Спартак» остался бы в составе сильнейших. Но все московские команды, как будто сговорившись, свои матчи проиграли.

«Золотой» состав «Торпедо» в том году выглядел следующим образом: М. Зарапин, В. Круглов, С. Пригода, Н. Худиев, В. Бутурлакин, Ю. Миронов, В. Белоусов, В. Юрин, В. Филатов, В. Сахаров, В. Сучилин, А. Дегтярев, С. Петренко, С. Гришин, Е. Храбростин, А. Беленков, Ю. Сарайкин. Главные «забивалы» – Сахаров и Храбростин, забившие по пять мячей.

Радовался ли Воронин успеху своих бывших одноклубников? Естественно, радовался, хотя его тогдашняя жизнь все дальше отдалялась от футбола. По словам А. Нилина:

«В оставшиеся пятнадцать лет мы встречались несравнимо чаще – и хотя инициатива встреч оставалась по-прежнему за Валерием (я и не очень знал, где искать его: отношения мои с Валентиной не улучшились, и не было у меня отчего-то уверенности, что он много времени проводит дома и каждую ночь там ночует), мне казалось, что я еще меньше нужен ему, чем в те времена. И безысходность в его телефонных звонках отзывалась во мне отсутствием когда-тошней радости. Я представлял себе перелистываемые им страницы записной книжки со множеством номеров – и вызванные строчками цифр усталые размышления: кто на другом конце провода захочет понять состояние Валерия? На каждое обращение надо себя настроить, чтобы не выглядеть просителем, не выглядеть всеми покинутым, до смертельного сжатия одиноким – и быть готовым не выразить боли разочарования, если ответ будет равнодушным или фальшивым...»

Он звонил – и появлялся у меня. Но что я буду душой кривить сейчас – прежняя праздничность теперь редко проглядывала в наших совместных времяпрепровождениях, хотя мы гнали печаль изо всех сил. Только много дешевого вина часто приходилось выпить, чтобы ввергнуть себя в нужное состояние. Вино, конечно, не всегда бывало обязательно веселым. Появлялись вдруг деньги – и мы пили качественные напитки. Воронин легко восстанавливал в себе прежнюю барственность. Правда, случалось ему по старой памяти переборщить с заказом. Поставил даже как-то в очень неудобное положение Николая Моношина и Бориса Батанова в любимом ВТО – забыл, что не он угощает, забыл, что не при деньгах, – и получился конфуз: пришлось старым товарищам часы в залог оставлять, официантки Воронину больше в долг не верили, слишком уж часто приходил он теперь с пустыми карманами, а про то, что никаких заработков у него теперь нет, они знали.

Он шутил, что привыкает исходить из тех средств, какими располагает, – и не ощущает стесненности в средствах как беду. Есть рубль сорок – сумма, которую прежде и за мелочь-то не считал, – хорошо: знает, как ими распорядиться. Но и в кабаке, чуть появляется возможность, способен напомнить, как хорошо умеют гулять самостоятельные люди.

К своему положению он относился с великолепной иронией. Я никогда не слышал от него жалоб ни на судьбу, ни на бедность...»

В середине 70-х, расставшись с первой женой, Воронин закрутил роман с молодой журналисткой Людмилой. Многие тогда удивлялись этим отношениям, поражаясь тому, что особенного могла найти красавица в бывшем футболисте, у которого от былой славы (да и внешности) уже ничего почти не осталось. Может, это была любовь? Однако долго прожить рядом с Ворониным она не смогла – у того все чаще случались припадки (травма головы, полученная в роковой катастрофе, давала о себе знать). Но без женского внимания Воронин не остался – во

второй половине 70-х женился вторым браком. Его избранницей стала работница ЗИЛа Мария Тимофеевна, которая оказалась намного старше его. Она ему стала и женой и мамкой, стойчески терпя его загулы. Жили супруги в доме невесты – в двушке, полученной ею от завода. От былой славы Воронина в этом доме был яркий футбольный плакат, который он повесил на стену. Демонстрируя его своим друзьям, Воронин горько шутил: «Посмотри, в какой обстановке доживает бывшая звезда». По-своему он был привязан к новой супруге и жалел только об одном – та была не обучена «светским» манерам.

А в начале 80-х Мария Тимофеевна скончалась, после чего бывший футболист вконец потерял себя. Очевидцы рассказывают, что частенько видели вконец опустившегося Воронина в день зарплаты: он дежурил у заводских ворот, «сшибая» медяки на выпивку. Некоторые из зиловцев давали ему по гривеннику, другие отворачивались.

В последние годы своей жизни Воронин буквально предчувствовал, что его ждет трагический уход. Не зря он часто повторял своим друзьям: «Я, как Володя Высоцкий, умру рано, не намного его переживу».

Рассказывает Л. Репин:

«Отчаянно трудное время начало свой отсчет в жизни Воронина. Футбольная карьера закончилась, а чем ее заместить, он не знал, не находил. Мелькал в разных местах, в разных компаниях. Веселая вроде бы жизнь, а на самом деле – пустая. Он это понимал, и оттого, что не мог ничего изменить, ему становилось лишь хуже.

Изредка, но все реже и реже возникал на тренировках. Стоял, молча смотрел, как работают с мячом его товарищи. Какие мысли возникали у него в голове, можно только догадываться.

Юрий Михайлович Степаненко, начальник команды «Торпедо» в 60-х годах, всегда относившийся к Валерию с большой теплотой, рассказывает мне у поля, на котором мальчишки под зорким присмотром тренера наигрывают комбинации: «Мы старались вовлечь его в сферу былых интересов. Но Воронин себя не находил». Глаза его на иссеченном шрамами лице смотрели настороженно и, казалось, что-то таили («Торпедо» в те годы играло неплохо: в 1983 и 1984 годах заняло в чемпионатах СССР 6-е место. – *Авт.*). Степаненко иногда замечал, что какие-то очень сомнительные люди крутятся возле Воронина. Однажды сказал об этом ему, тот посмеялся и успокоил.

8 мая 1984 года в «Лужники» за ним заехали какие-то веселые кавказцы, Степаненко их прежде не видел. Спросил: «Валера, ты знаешь их хорошо?» Тот рассмеялся, по обыкновению, и ответил утвердительно. Они все вместе уехали. А на следующий день Степаненко узнал, что очень рано, часов в пять утра, Валерия нашли с проломленной головой в кустах, неподалеку от бань на Варшавском шоссе (футболист, находясь в коме, прожил еще несколько дней и скончался 21 мая. – *Авт.*).

Вскрытие показало, что алкоголя в его крови было очень немного, а внутренние органы, как сказал Степаненко, «были чисты, как у ребенка». Степаненко честил себя за то, что не подумал запомнить номер той «Волги». Дело было закрыто из-за полного отсутствия улик и подозреваемых...

Они все встретились на похоронах – Иванов, Степаненко, прославленные футболисты, игравшие с ним. Очень много народу собралось в тот день на Даниловском кладбище, неподалеку от автозавода, команду которого прославил и Валерий Воронин.

Кто лишил жизни Валерия, что произошло в ту далекую ночь – осталось загадкой. Сводились какие-то счеты, разборка ли произошла или пьянка с кровавым финалом – ничего никому не известно.

А мне кажется, что та катастрофа 68-го года выбросила его не только на шоссе, а на край глубокой пропасти. Он подняться сумел, но сделал несколько неверных шагов и рухнул в бездну...»

Бакинский «Пеле»

Эдуард Маркаров, «Нефтчи», Баку, «Арарат», Ереван

Эдуард Маркаров родился 20 июня 1942 года в Баку в спортивной семье: его отец – Артем Агаларович Маркаров – был футболистом, мастером спорта СССР. В итоге именно Маркаров-старший и стал первым тренером для своего сына, который не только продолжил футбольную династию, но сумел с лихвой перекрыть достижения своего отца.

К четырнадцатилетнему возрасту Маркаров-младший, гоняя мяч во дворе, дорос до того, что отец взял его в бакинский «Локомотив», где был тренером. По словам Эдуарда: «Отец всей душой любил футбол, и, конечно, ему хотелось, чтобы я стал хорошим игроком. Все-таки единственный сын! Но он никогда не принуждал меня: хочешь – играй, не хочешь – твое дело. Я учился играть во дворе и до сих пор убежден, что технику можно освоить только самому. Отец был отличным техником, и все думали, что он с малых лет учил меня, открывая секреты. Но он всерьез занялся мной, только когда увидел, что я во дворе сам многому научился. Он тренировал клубные команды бакинского «Локомотива», проводил на стадионе по многу часов. Я после школы спешил на его тренировки. Первым делом отец спрашивал про уроки, но, к счастью, я хорошо учился. Он занимался с игроками «Локомотива» и на меня почти не обращал внимания, хотел, чтобы я делал то же, что и все: не дай бог кто-нибудь подумает, что он тренирует сына в ущерб делу!..»

В 1960 году Маркаров решил сменить место прописки – уехал в Армавир, где стал играть в местном клубе «Торпедо». И кто знает, сколь долго он бы там играл, если бы через год его не заметил знаменитый в прошлом игрок и тренер ЦДКА (под его руководством армейцы пять раз становились чемпионами страны) Борис Аркадьев. В те годы он тренировал бакинский «Нефтяник» и ему до зарезу нужен был быстрый и цепкий центральный нападающий. Вот он и разглядел такого в Маркарове. Тот какое-то время отыграл в дубле, а в 1962 году попал в основной состав, создав мощную связку с Юрием Кузнецовым – одним из выдающихся диспетчеров, который был наделен превосходным тактическим чутьем и совершенным пасом. Помимо них в том «Нефтянике» играли: Алекпер Мамедов, Адамас Голодец, с 1963 года – Анатолий Банишевский.

Правда, в чемпионате СССР «Нефтяник» в те годы звезд с неба не хватал, занимая места внизу турнирной таблицы: 21-е место в 1960 году, 18-е в 1961-м. Однако в 1962 году бакинцы произвели сенсацию – заняли 10-е место, а год спустя и вовсе 8-е. Впрочем, это было время, когда республиканские команды заметно прибавили в мастерстве и уверенно теснили именитые клубы: например, в 1961 году ереванский «Спартак» (чуть позже он сменит название на «Арарат») занял 8-е место, а в 1962 году ташкентский «Пахтакор» – 6-е место. У «Нефтяника» тоже будет свой спурт, но чуть позже – во второй половине 60-х.

В своем первом сезоне 1962 года Маркаров сыграл 30 матчей и заявил о себе более чем весомо: забил 16 голов, став лучшим бомбардиром чемпионата вместе с тремя другими игроками, забившими столько же мячей: Юрием Севидовым («Спартак», Москва), Борисом Казаковым («Крылья Советов», Куйбышев) и Михаилом Мустыгиным («Динамо», Минск). На волне этого успеха Маркарова тут же пригласили в юношескую сборную СССР, что было весомым доказательством того, что его талант оценен по достоинству. Глядя на его игру, мало кто сомневался, что у этого молодого футболиста впереди прекрасное будущее, где обязательно должно случиться и приглашение в первую сборную СССР. Впрочем, не будем забегать вперед.

В чемпионате СССР в 1963 году Маркаров сыграл 37 матчей, но забил чуть меньше своего прошлогоднего рекорда – 12 мячей (лучшим бомбардиром тогда стал Олег Копаев из СКА Ростова-на-Дону, на счету которого было 27 голов). В 1964–1965 годах показатели Маркарова

снизились: в сезоне-64 он забил 8 мячей, в сезоне-65–10. Впрочем, тогда и «Нефтяник», возглавляемый Алекпером Мамедовым (он пришел в 1963 году), болтался внизу турнирной таблицы, занимая 12-е (1964) и 11-е (1965) места. Но затем последовал резкий рывок вверх, на вершину турнирной таблицы. А начиналось все так.

В июле 1965 года пост главного тренера «Нефтяника» покинул Алекпер Мамедов, вместо которого пришел «варяг» Василий Соколов, тренировавший до этого московский «Спартак» (1952–1954), сборную СССР (1954), кишиневскую «Молдову» (1960–1963) и другие команды. При новом тренере команда почувствовала второе дыхание, хотя костяк ее сложился еще при Мамедове. Сам Э. Маркаров причины того взлета объясняет следующим образом: «Я, наверное, не буду оригинальным, если скажу, что к тому времени в команде созрел и сложился настоящий коллектив, появились лидеры. Насколько я понимаю, лидеров выбирает сама команда. Точнее – игра, футбол. Если кто-то из игроков, не имея должного мастерства, в один прекрасный день вдруг заявит: «А ну, расступись, я здесь лидер!» – его попросту подымут на смех в команде. Так лидером не станешь. Зато к словам того, кто не щадит себя на тренировках и в играх, своим мастерством может «вытащить» трудный матч, партнеры всегда будут прислушиваться. Мы играли вместе уже четыре года и постепенно научились неплохо понимать друг друга на поле...»

Между тем старт «Нефтяника» в сезоне-66 выглядел весьма мирно. В двух первых матчах (с минским «Динамо» и куйбышевскими «Крыльями Советов») были зафиксированы нулевые ничьи. Но затем были переиграны московские динамовцы (1:0) и донецкий «Шахтер» (2:0). Правда, затем вновь последовали две ничьи на выезде – с ЦСКА и одесским СКА. Однако в этих играх Маркаров был самым результативным игроком «Нефтяника», забивая мячи практически в каждой игре. Вот как о нем написал в еженедельнике «Футбол» С. Сальников: «... И еще один плюс «Нефтяника». Команда имеет ярко выраженного лидера – Э. Маркарова. Этот игрок быстр, особенно на коротке, очень техничен, достаточно агрессивен и при всем том обладает недюжинным комбинационным даром, что позволяет ему по праву быть подлинным организатором игры. А его легкость в обращении с мячом подчас просто виртуозна и по манере под стать бразильцам. Хочется думать, что старший тренер сборной СССР Н. Морозов, видевший этот матч (ЦСКА – «Нефтяник». – *Авт.*), не останется равнодушным к мастерству, проявленному Маркаровым».

Отметим, что в сборной СССР в тот период уже играл один игрок из «Нефтяника» – Анатолий Банишевский. Но он тоже, как и Маркаров, был центральным нападающим, поэтому с приглашением Маркарова Н. Морозов не спешил. Хотя в чемпионате СССР эта связка очень хорошо себя показывала. И многие спортивные специалисты прямо говорили, что надо брать эту связку и в сборную. Например, журналист «Труда» Юрий Ваньят после победы сборной СССР над чехословаками (2:1, оба мяча у нас забил Банишевский) написал следующее: «Желательно в конце мая видеть у игроков сборной более рациональную постановку завершающего удара. Где же плоды многомесячных тренировок? И еще. Не стоит ли попробовать «бакинский вариант» в центре атаки: Банишевский – Маркаров. Уж очень яркую игру показывает нынешней весной наш «бакинский Пеле» Эдуард Маркаров».

Видимо, игнорировать подобные предложения Морозову стало неудобно, и в начале лета 1966 года Маркаров оказался в составе сборной СССР. 5 июня он вышел на поле Лужников в майке сборной СССР – в товарищеской игре против сборной Франции. Правда, вышел не с начала игры – он заменил на 46-й минуте Эдуарда Малофеева. Наши к тому моменту уже проигрывали 0:2, и надо было спасать ситуацию. С выходом Маркарова (а также Виктора Серебряникова, заменившего Валентина Афонина) ситуация действительно изменилась. И хотя Маркаров голом не отметился, однако это сделали другие: Слава Метревели (на 26-й минуте), его партнер по «Нефтянику» Анатолий Банишевский (на 64-й) и Игорь Нетто (на 66-й). Итог матча – 3:3.

В результате в июле 1966 года Маркаров в составе сборной СССР отправился на чемпионат мира в Англию. Однако взяли его туда не основным игроком, а запасным. Поэтому на том турнире герой нашего рассказа вышел на поле всего лишь однажды – в игре против сборной Чили 20 июля (а Банишевского на эту игру посадили на скамейку запасных, разрушив тем самым «бакинскую» связку). Тот матч советская сборная выиграла со счетом 2:1, оба мяча забил Валерий Поркуян из киевского «Динамо» (один из голов он забил с подачи Маркарова). Но общий итог выступления сборной СССР на ЧМ-66 оказался не очень неутешительным – 4-е место (в матче за 3-е место мы уступили португальцам 1:2).

На момент отъезда Маркарова и Банишевского в Англию их «Нефтяник» в чемпионате-66 занимал 3-е место. Но когда они вернулись, то он уже откатился на 7-ю позицию (из-за этого был отправлен в отставку «варяг» В. Соловьев и его место занял его помощник – бакинец А. Алескеров). С этого момента обоим форвардам пришлось засучив рукава браться за дело. И «Нефтяник» снова принялся обыгрывать чуть ли не всех подряд. Были побеждены ростовский СКА (он возьмет «серебро» в том чемпионате), тбилисское «Динамо», кутаисское «Торпедо», куйбышевские «Крылья Советов», алма-атинский «Кайрат», ленинградский «Зенит», ташкентский «Пахтакор», московское «Торпедо», одесский СКА, а также киевское «Динамо» (возьмет «золото» в том сезоне) и московский «Спартак» (4-е место). И только донецкий «Шахтер» на своем поле не без судейской помощи сумел притормозить резвый темп бакинцев. Но все равно их успех был впечатляющим: 25 набранных очков в 15 матчах! Приведем газетные комментарии к двум важнейшим играм «Нефтяника» – с киевским «Динамо» (2:1) и «Спартаком» (3:0).

А. Чупринин: «Чемпион страны – киевское «Динамо» принимал на своем поле бакинский «Нефтяник». Лучший бомбардир киевлян Бышовец забил свой очередной гол. А вот затем бакинцы не только сумели сравнять счет (Маркаров), но и вышли вперед (Банишевский). Теперь уже чемпион страны пытался весь второй тайм уйти от поражения. Защитники «Нефтяника» действовали внимательно и осторожно, и атаки киевлян так и не получили завершения. Более того, футболисты «Нефтяника» во время контратак создали немало угрожающих моментов, и вратарю динамовцев Банникову весь тайм пришлось быть начеку. До игры в Киеве «Нефтяник» называли почти бронзовой командой, теперь у него появилась возможность теоретически претендовать на второе место».

Журналист чуть-чуть ошибся – «Нефтяник» не смог побороться за «серебро» (его на 2 очка обошел ростовский СКА), но завоевал «бронзу», переиграв московский «Спартак». Вот как это описывал М. Пейзель:

«...Надо полагать, просчет спартаковцев был и в том, что они не помешали Маркарову из глубины поля завязывать комбинации. Такая игра по душе лидеру атак бакинской команды, и он блеснул в полной мере. В этом смысле очень показателен был третий гол. Маркаров на своей половине поля получил мяч и тотчас отпасовал его Туаеву; перед двумя бакинскими нападающими находились пять соперников: Маркаров и Туаев посредством передач в одно касание, а делалось все это на большой скорости, миновали всех. Наконец Туаев под острым углом оказался перед спартаковскими воротами. Прицельный удар в правый угол ворот Маслаченко парировал ногой, мяч отлетел в центр, и тут его Маркаров отправил в сетку мимо опешившей от неожиданности защиты.

А счет открыл на 18-й минуте Банишевский. Случилось это после комбинации, начатой Семиглазовым. Мяч был направлен на правый фланг Туаеву, от него к Маркарову, в это мгновение центральный нападающий «Нефтяника» ворвался во вратарскую площадку и получил пас. Он принял мяч, стоя спиной к воротам, сзади набегал Маслаченко и по идее должен был овладеть мячом. Банишевский помешал ему, ушел с мячом чуть вправо и остался без опеки против пустых ворот. Через три минуты он же после подачи Туаева нашел мяч в воздухе и с лета пробил его в сетку. 3:0.

Счет мог быть и большим. Опасно атаковал дважды Трофимов. Чудом не поразил цель Грязев. Однажды Банишевский вышел один на один с Маслаченко и попал в него. В другой раз едва не достиг цели великолепный резанный удар Маркарова...»

А вот что по поводу «бронзы», завоеванной «Нефтяником», много позже рассказал один из участников тех событий – игрок киевского «Динамо» Виктор Серебряников:

«В 1966 году «Нефтяник» (Баку) и СКА (Ростов-на-Дону) сражались за «серебро» чемпионата страны. Перед игрой в Киеве на базу «Динамо» азербайджанские футболисты привезли куль денег. Мы устроили собрание: брать или не брать? Все проголосовали за. Вдруг Анатолий Бышовец говорит: «Братцы, вдруг Шелест (тогдашний первый секретарь ЦК КП Украины. – *Авт.*) узнает?» Я ответил: мол, ладно, тогда деньги верну, и пошел к выходу. Так Бышовец побежал следом и схватил меня за майку с криком: «Я пошутил! Давай сюда!»

С «Нефтяником» же договорились, что они выигрывают в один мяч. Так и произошло. На следующий день я понес долю тренеру Виктору Маслову – полторы тысячи рублей. Тот увидел кучу сторублевок и испугался: «Меня посадят!» Но все сошло с рук...»

5 декабря 1966 года, в День Конституции, на бакинском республиканском стадионе состоялся спортивный праздник. «Нефтяник» сыграл товарищеский матч с динамовцами Кировабада. В перерыве матча председатель Федерации футбола СССР Н. Ряшенцев вручил награды и дипломы Маркарову и его друзьям по «бронзовой» команде сезона-66.

В сезоне-67 повторить прошлогодний успех бакинцы не смогли – заняли 5-е место. Хотя игра Маркарова продолжала удивлять – голы он забивал практически в каждом матче, особенно в первой половине сезона. От его ноги пострадали: «Черноморец» (дважды), «Арагат», «Кайрат», «Динамо» (Тбилиси), «Зенит», «Торпедо» (Москва), «Крылья Советов», ЦСКА, «Динамо» (Минск), «Спартак», «Заря», СКА. Как было написано в одной из тогдашних публикаций: «Думается, бакинский «Нефтяник» вправе быть довольным своим капитаном. Маркаров может на «пяточке» обыграть сразу нескольких защитников, может выдать такой пас, что ахнут даже убеленные сединой специалисты, может, наконец, забить гол, который долго живет в памяти как хрестоматийный и одновременно неповторимый по исполнению. Например, такой, что был забит им в воскресной встрече «Арагату» и принес «Нефтянику» важные два очка...»

Всего на счету Маркарова в сезоне-67 будет 14 голов. Почти до конца чемпионата он возглавлял гонку бомбардиров (до 22 октября, когда проходили матчи 31-го тура), но потом что-то «забуксовало».

Тем временем забивного бакинского форварда продолжают приглашать в национальную сборную, но на поле не выпускают. Причем в сборной сменился главный тренер – команду возглавил Михаил Якушин, однако он придерживался стратегии своего предшественника. Что за стратегия? Смысл ее: отдавать предпочтение «силовикам» – футболистам, любящим бегать по полю сломя голову. А вот романтики футбола, технари были не в моде. Поэтому Анатолий Банишевский продолжал выходить практически в каждом матче, а его коллега Эдуард Маркаров протирал штаны на скамейке запасных. Впрочем, этот подход приносил свои плоды. В 16 официальных матчах сборной СССР, сыгранных в 1967 году, она в одиннадцатом одержала победу и только в двух потерпела поражения. В этих матчах Банишевский забил 5 мячей.

Чуть позже журналист Лев Филатов так напишет по поводу несчастливой судьбы Маркарова в составе сборной СССР: «Почему проходили мимо него, формируя сборную? Честный ответ показался бы странным, поэтому его и замалчивают, хотя он существует: ростом не вышел. Как просто – 164 сантиметра, и отказ. Права на такой отказ нет, нет и разумных доводов. Зато есть «вкус». И тут ничто не поможет. Какие доводы, примеры, аналогии ни приводи, натолкнешься на усмешку: «Все это прекрасно, но, если мы проиграем, скажут: «Кого набрали? Что за детский сад? Нам нужны атлеты. Надо лезть, давить, а не чикаться», и меня снимут за непонимание, как надо формировать команду». Так объяснит тренер. Да и далеко не

все болельщики примут «малыша». В крайнем случае смилятся: «У нас-то ничего, пусть играет, а на международной арене ему делать нечего».

В начале 1968 года команду «Нефтяник» переименовали – теперь она стала называться «Нефтчи». Самое интересное, но именно после этого переименования начался постепенный закат замечательной команды, хотя по инерции футбольные школы Баку продолжали поставлять в главную команду республики талантливых (а в дальнейшем и знаменитых) игроков. Таких как: Виталий Шевченко, Александр Мирзоян, Рафик Кулиев и др.

А начался этот закат с сезона-68, когда «Нефтчи» занял 9-е место. Хотя начался тот чемпионат для бакинцев очень удачно и после первых туров команда занимала 1-е место. Но затем случилась беда – из строя выбыл Маркаров. Почему? Он получил множественные травмы, причем не на зеленом футбольном газоне, а совсем в другом месте. Причем история темная. По официальной версии, футболист не поладил с пьяными милиционерами и те решили его проучить – избили до потери пульса. Что на первый взгляд выглядело дикостью – ведь пострадавшим оказался кумир всего Азербайджана! Однако если копнуть глубже... Дело в том, что в этой республике всегда существовало деление элит и населения на кланы. Видимо, милиционеры были выходцами не из бакинского клана, что и спровоцировало конфликт. В итоге футболист угодил на больничную койку на полгода. А пока его не было, «Нефтчи» благополучно скатился на дно турнирной таблицы. В те дни многие бакинцы отвернулись от своей команды – перестали ходить на матчи с ее участием. И только во второй половине сезона (в июле), когда в строй вернулся Маркаров, зритель снова стал заполнять стадион. «Нефтчи» опять стал выигрывать, а Маркарова снова пригласили в сборную.

Возвращение состоялось 1 августа, когда сборная СССР играла выездной товарищеский матч против команды Швеции (в Гетеборге). Заметим, что от услуг Анатолия Банишевского тренер сборной М. Якушин решил отказаться и вместо него вызвал Маркарова. И тот отыграл все 90 минут. Правда, голами не отметился, но игры не испортил. Матч закончился вничью 2:2 (голы у нас забил Михаил Гершкович и Муртаз Хурцилава – последний сделал это с подачи Маркарова).

Это была последняя официальная игра нашей сборной в том сезоне, после которой на тренерском мостике произошла очередная рокировка – Якушина сменил Гавриил Качалин. Однако Маркаров в сборной остался и даже был вызван на товарищескую игру с одесским «Черноморцем». В первом тайме в центре нападения сборной выступали Анатолий Пузач («Динамо», Киев) и Алексей Еськов (СКА, Ростов-на-Дону), а во втором Пузач уже играл в паре с Маркаровым. Незадолго до конца матча при счете 1:0 в пользу сборников после стремительной комбинации Метревели – Маркаров – Пузач киевлянин удвоил результат. Как ни странно, но на этом карьере Маркарова в сборной закончится.

Кстати, в том же августе по команде Маркарова – бакинскому «Нефтчи» – ударила пресса. Речь идет о статье в «Советском спорте» от 9 августа под названием «Когда вежливость вне игры». Статью предваряло письмо бортпроводника Б. Пустовалова, который волею судьбы оказался в одном самолете с футболистами бакинского «Нефтчи». В письме рассказывалось о безобразном поведении некоторых игроков команды, устроивших дебош на борту самолета, который вез их из Ташкента на родину. Предыстория этого скандала была следующей.

Накануне инцидента (20 июня) бакинцы играли очередной матч чемпионата СССР с «Пахтакором» и проиграли 1:2. Естественно, настроение у бакинцев было не ахти, а тут еще дикая жара почти под сорок градусов и задержка вылета на целых шесть (!) часов. Короче, когда лайнер поднялся в небо, обстановка на борту была накалена до предела. Требовался только повод, чтобы разгорелась буча. Этим поводом стало поведение одной из пассажирок. Не успел самолет подняться в небо, как одна из женщин стала жаловаться, что ей плохо. Она просила воды, хваталась за сердце. Сидевшие рядом с ней несколько футболистов стали требовать у бортпроводников немедленной помощи. Но что те могли предложить: разве что воды при-

нести и дать таблетку от сердечной боли. Остальная помощь могла быть оказана пассажирке только после приземления. Далее послушаем рассказ самого Б. Пустовалова:

«Конечно, жара делала свое дело, но ведь в самолете было еще около 80 пассажиров. Всем было нелегко, но тем не менее никто не опустился до откровенных скандалистов. Я попытался успокоить футболистов. К этому времени они уже забыли, ради чего устроили шумное состязание в грубости.

«Он еще разговаривает! Ты, сопляк, да ты знаешь, с кем говоришь?» – к голосам тех двух, кто начал скандал, присоединился третий. А потом... Реплики типа «заткнись!», «ноги переломаю!», «последний раз летишь...» были далеко не самыми крепкими.

Знаете, нашелся все же человек, попросивший у меня извинения. Он зашел к нам на кухню и сказал: «Понимаешь, жара, задержка. Да и проиграли вчера. Вот нервы и сдали. Ты уж не сердись на них». Но когда я спустя пять минут вошел в салон и вновь подвергся оскорблениям, он промолчал. Остановить расходившихся друзей у него не хватало смелости.

Вот так, в один прием, футболисты растоптали сложившееся у меня о них доброе мнение. Я сейчас думаю о том, что эти люди должны защищать честь нашего спорта, и никак не могу представить себе их корректного, без грубости отношения к сопернику. Объяснить инцидент случаем? Жарой, проигрышем, задержкой? Но ведь и потасовки на футбольном поле тоже как-то объясняются. Боюсь, что избравшие нас мишенями своего «острословия» футболисты не очень-то застенчивы и на поле».

Поскольку замолчать этот инцидент не удалось (экипаж самолета написал письмо руководству «Нефтчи», а то побоялось не дать ему ход), он стал поводом к серьезному разбирательству внутри футбольного коллектива. Было проведено собрание, где виновники случившегося – футболисты А. Рахманов, Д. Буниатзаде и Р. Кулиев – были подвергнуты резкой критике своими же товарищами по команде (хотя на борту лайнера все они почему-то молчали). Как заявил капитан команды Эдуард Маркаров: «Разбор этого неприятного инцидента должен послужить уроком для всех без исключения. Мы должны помнить, что представляем трудовой город, всю республику, что мы всегда на виду».

Все трое виновных были строго предупреждены, что в случае очередного нарушения дисциплины с их стороны все они будут отчислены из команды.

Стоит отметить, что чемпионат СССР по футболу 1968 года стал рекордсменом по грубости за всю предыдущую историю отечественного футбола: тогда было удалено с поля 30 футболистов. Самым грубым матчем была признана игра ЦСКА – «Динамо» (Минск), когда удалили четырех игроков. Исходя из этого можно смело сказать, что самолетный инцидент с «Нефтчи» родился не на пустом месте: дух вражды, который витал над футбольными полями, мог невольно перекидываться и за пределы стадионов.

В сезоне-69 «Нефтчи» сумел подняться по турнирной лестнице – переместился с прошлогоднего 9-го на 7-е место. Пусть небольшой, но прогресс. Причем результат мог бы быть и лучше, если бы очередное несчастье с Маркаровым. После нескольких туров, с тремя голами, он возглавлял гонку бомбардиров чемпионата. Но в игре против ростовского СКА получил тяжелейшую травму – ее ему нанес центральный защитник Виктор Гетманов. В итоге следующие полгода Маркарову пришлось проводить на больничной койке, а его команда снова покатилась вниз.

Свой первый матч после болезни Маркаров проводил против московского «Спартака». Вот как об этом написал журналист «Футбола» В. Винокуров: «После долгого перерыва и сложного лечения бакинцев вывел на поле их капитан Маркаров. Его участие, бесспорно, укрепило игру команды, придало ей организованность в средней линии и остроту в передней. Маркаров действовал оттянутым центрфорвардом, но был именно форвардом, а не полузащитником. Все его качества, так хорошо знакомые партнерам и соперникам, столь приятные зрителям, были, что называется, при нем. Кроме атлетизма. «Сил не хватает», – признался он мне после игры.

Это чувствовалось даже в первом тайме, когда он выглядел свежее, то и дело ускользая от призора Рожкова. Полузащитник «Спартак» вообще не сумел воспользоваться тем, что выступал против физически не совсем подготовленного соперника. Рожков не был опасен впереди и не справлялся с опекой Маркарова на своей половине поля...»

В тот день успех сопутствовал москвичам, которые выиграли со счетом 2:0. Впрочем, «Спартак» в том году стал чемпионом страны и выиграть у него было крайне сложно (он потерпел всего лишь 5 поражений).

В сезоне-69 Маркаров забил всего лишь 5 голов, что было вызвано его долгим, полугодовым, отсутствием на поле. Однако в сезоне-70 он отыграл все матчи, но забил еще меньше – всего 3 мяча. А его «Нефтчи» занял 11-е место. В сборную нашего героя уже не привлекали, фактически списав его со счетов. Впрочем, со счетов его стали списывать и в Баку. А концовка того года принесла трагедию.

11 ноября из жизни ушла мама Эдуарда Берта Григорьевна. Она работала внештатным тренером «Нефтчи» и футбол понимала великолепно. Знала всех футболистов в команде и каждому могла дать дельный совет. И в вопросах режима питания, отдыха, сна она разбиралась не хуже любого спортивного врача.

Этой утрате суждено будет сыграть значительную роль в дальнейшей спортивной судьбе Маркарова – он захочет уехать из Баку и играть в другой команде. По его же словам: «Последние два сезона меня преследовали травмы, практически эти годы, как таковые, для меня пропали. Стал я слышать вокруг себя разговоры: «Слаб Маркаров, постарел» и т. д. И я понял: надо что-то менять. Или заканчивать совсем, или попытаться доказать, что есть еще порох, но уже в другой команде. Супруга, Стелла, помню, отговаривала: «Ну что ты надумал? Тебе ведь уже двадцать девять...» Но я все же решил рискнуть и новый сезон начал уже в «Арарате», где у меня было много друзей...»

А вот что вспоминает его жена Стелла: «Эдик очень тяжело перенес смерть мамы. Справив сороковины, он объявил о своем решении: «Мы должны переехать в Армению. Навсегда». Я, если честно, не хотела такой перемены, но и не имела права настаивать на своем. На следующий же день он собрал спортивную сумку, сел в машину и укатил в Ереван. Сделать такой шаг он собирался давно, но квартирный вопрос всегда в последний момент повисал в воздухе. Вскоре и я с маленькими детьми приехала к мужу. Нам выделили квартиру в центре Еревана, она была гостевым домом команды «Арарат», и до нас в ней жил тренер Александр Пономарев. Потихоньку начали обживать. Эдику в этот период нужна была моральная поддержка. Конечно, он был рад, что ереванские болельщики приняли его как родного. Но более всего ценил отношение товарищей по команде. В трудные минуты они часто подставляли плечо, всем им спасибо, особенно Шурику Коваленко. Он всегда был с нами рядом...»

Раз уж речь зашла о супруге нашего героя, то самое время рассказать о том, как они познакомились. Это случилось в середине 60-х, когда Маркаров уже блистал в «Нефтянике», а Стелла... училась в 10-м классе. Как-то у них в школе был день открытых дверей и туда пришел Маркаров. Вся школа сбегалась на него посмотреть, но Стелла отнеслась к этому на удивление спокойно. Дело в том, что футбол она не любила (жила возле стадиона и часто видела толпы болельщиков, которые так скандировали, что окна в их доме постоянно дрожали). Внешне Маркаров ей не понравился – маленького роста, со смешным пробором. Поэтому, когда ее сверстники бросились глазеть на именитого гостя, Стелла во всеуслышание заявила: «Что за ним все так умирают, я не пойму, дайте мне еще тыщу рублей, я все равно не пойду». Но сам Маркаров ее сразу выделил за красоту и начал подбивать клинья через директора школы, попросив его их познакомить. На что гордая девушка заявила: «Ну, понятно, голова у вас не работает, тогда, конечно, хоть ноги пусть работают». Другой бы на месте футболиста обиделся, но он стерпел. И передал ей записку: «Завтра жду на трамвайной остановке в 11 часов». Но девушка это приглашение проигнорировала.

Их следующая встреча произошла спустя год на вечере дружбы, куда была приглашена вся команда «Нефтчи». После этого Маркаров стал приходить к девушке домой с шампанским и тортом «Сказка». Но девушка по-прежнему была неприступна. Торт она съедала, а шампанское, не открывая, ставила вдоль стены. В итоге через некоторое время у нее выстроилась целая батарея этих нераспечатанных бутылок. И в один из очередных приходов футболиста Стелла заявила: «Видите вот всю эту батарею бутылок? Они в вас полетят, если ходить не перестанете». И он решил отступить – но только временно. Далее послушаем рассказ самого Э. Маркарова: «Я взял ее умом. Тактика у меня такая была. Я приходил к ней домой, сидел с ее мамой на кухне, беседовал. И они все постепенно ко мне привыкли. Потом она переехала к бабушке, я туда стал ходить и тоже беседовать, как-то позвал ее прогуляться, и она не отказала...»

Далее – рассказ Стеллы: «Я жила тогда с бабушкой, ее звали Шамирам, вот к ней он за мной и пришел. И стали мы вроде чинно-благородно прогуливаться. Как-то идем мимо Дворца бракосочетания, он мне и говорит: слушай, Стелка, давай зайдем, посмотрим. Я такая дура была, давай, говорю. А давай, говорит, документы подадим, тебя это ни к чему не обязывает. Точно не обязывает? – спрашиваю. Точно, отвечает. Ну давай, говорю. Мы подали документы, и нужно было две недели ждать. Он опять – а давай распишемся, это в твоей жизни ничего не изменит. Я говорю – точно не изменит? Он – конечно, точно. Как жила у бабушки Шамирам – так и будешь жить. Ну, я соглашаюсь. Шью себе – я все себе тогда сама шила – платье новое с голубыми цветами, приходим мы – а народ там его узнает, опять – Маркаров, Маркаров. Но все думают, что это он к кому-то на свадьбу пришел, уж больно я на невесту не походила, да и пришли мы втроем – он, я и свидетель. Расписались, вышли – вдруг как стали все машины бибикать, это другие, кто жениться приехал, так поздравляли любимого футболиста, – а я ушла обратно к бабушке. И мы продолжали встречаться, как бы на свидания ходить друг к другу. Походили-походили пару месяцев, а потом в один прекрасный день он мне и говорит: если ты не пойдешь жить со мной как жена, я иду налево. Я говорю – как это налево? Это же предательство. А предательства я уже стерпеть не могла. Вот так все и получилось...»

Но вернемся к переходу Маркарова в «Арарат».

В наши дни представить себе подобное уже невозможно, поскольку нет уже ни Советского Союза, ни того интернационализма, который в нем культивировался. И хотя международные отношения и тогда не были идеальными, но до того, что происходит в них сегодня, им было далеко. Поэтому пребывание того же армянина Маркарова в азербайджанской команде ни у кого не вызывало удивления. Кстати, он в «Нефтчи» был не единственным армянином – там еще играл А. Мирзоян. Однако в «Арарате», естественно, армян было больше – почти вся команда (за исключением С. Бондаренко, А. Коваленко). Что помогло достаточно быстро адаптироваться Маркарову в новом коллективе. Среди этих земляков-армян было несколько проживавших когда-то, как и Маркаров, в Баку: Казарян, Андриасян, Аванесян, Погосян, Арутюнян, Карапетян. А тренировал команду «варяг» – Николай Глебов, который до этого работал в алма-атинском «Кайрате» (1960–1963), рязанском «Спартаке» (1967). По словам Э. Маркарова:

«Приняли меня в «Арарате» очень хорошо, будто сто лет в нем играл. Я пришел в команду техничную, мыслящую, боевую, чем-то родственную тому «Нефтянику», в котором я провел долгие годы. До этого перед «Араратом» больших задач не ставили (все 60-е годы команда занимала низшие места в турнирной таблице и даже успела поиграть в 1-й лиге; ее единственный успех – 8-е место в сезоне-67. – *Авт.*), хотя к тому времени команда вполне созрела для успеха: группа ведущих игроков как раз вступила в лучший футбольный возраст. В «Арарате» играли талантливые индивидуальности, но не было коллектива, по сути, не складывалась командная игра.

Вкус к коллективной игре мне привили с детства. Этому учил и Аркадьев. В заслугу себе не собираюсь ничего ставить: все устроилось само собой, без разговоров и понуканий. Андри-

асян, Иштоян, да и другие ребята поняли, что защитникам легче, когда они «заводятся». А я люблю пас, «стенку» разыграть – ребята попробовали, почувствовали, насколько свободнее стало обыгрывать защитников. Возможно, я явился последним недостающим звеном, замкнувшим цепочку. Признаться, я волновался: как-то пойдут тут дела? На тренировках волнения улеглись. Когда начинаешь работать и потеть вместе со всеми, а потом в играх отдавать все, на что способен, делиться опытом, умением с товарищами, то быстро понимаешь, что тебя приняли. Если говорить об основной черте, характерной для игры «Арарата» образца 1971 года, то я бы сказал, что каждый из игроков прежде всего прибавил в футбольном мышлении. Этим во многом и объясняется успех нашего клуба. А мне снова повезло: я оказался, как и прежде, разыгрывающим, но при этом от меня ждали и голов – словом, «моей игры»...

Свой первый гол в составе «Арарата» Маркаров забил в первом же матче чемпионата СССР 1971 года – против львовских «Карпат». На 24-й минуте Аванесян навесил мяч в штрафную площадку гостей, Бондаренко, выиграв дуэль с вратарем, переадресовал мяч под удар Маркарову, который послал мяч в сетку, приведя публику ереванского стадиона в неопишуемый восторг. И что называется, пошло-поехало – «Арарат» с первого же тура взял мощный темп. Так, уже спустя несколько дней он обыграл в Москве местных армейцев (чемпионов страны 1970 года) и торпедовцев с одинаковым счетом 1:0. А затем переиграл тбилисских динамовцев 4:0. Два мяча забил Маркаров, еще два были забиты при его непосредственном участии.

Спустя четыре дня «Арарат» встречался с бакинским «Нефтчи» – бывшей командой Маркарова. Естественно, ажиотаж вокруг этой игры был огромный. И зрители увидели прекрасный футбол, а Маркаров был в ударе. Правда, только один тайм, поскольку потом он получил травму и вынужден был сесть на скамейку запасных. Но перед этим, на 19-й минуте, он успел открыть счет, добив выпавший из рук вратаря Шехова мяч. Игра закончилась победой ереванцев 2:1.

Последующие четыре матча Маркаров вынужден был пропустить. За это время «Арарат» сбавил обороты и сумел победить лишь в одной игре – с «Кайратом», в день торжественного открытия стадиона «Раздан». Но 20 июня, в день своего дня рождения, Маркаров снова был в строю и вышел на игру против донецкого «Шахтера». И вышел не зря, поскольку на 80-й минуте забил гол, который решил исход поединка, – 1:0.

В следующем матче с ворошиловградской «Зарей» Маркаров забил два гола (первый был забит уже на 6-й минуте) и с 7 мячами возглавил список бомбардиров чемпионата. А в следующем туре «Арарат» уже возглавил турнирную таблицу, обогнав киевское «Динамо». В конце первого круга на счету Маркарова было уже 9 забитых мячей и он продолжал возглавлять список лучших снайперов. Вот что писали о нем и его команде в тогдашней советской прессе: «Чем выделяется «Арарат» сегодня? В первую очередь средней линией, своеобразным штабом, где задумываются и осуществляются комбинации. Каждый из полузащитников – индивидуальность, но один дополняет другого, а вместе они целый ансамбль. Держа мяч, хавбеки часто вызывают огонь на себя, заставляя противника атаковать, и, когда соперник «раскрывается», на авансцене мгновенно возникает Маркаров. Этот футболист достаточно известен. Сейчас в команде он выполняет роль связующего между нападением и полузащитой. Ошибаются те, кто видит в Маркарове только диспетчера. Сильные точные удары, умение быстро ориентироваться в сложных ситуациях делают его опасным бомбардиром...»

Или еще: «Атакует «Арарат» широко, не задерживаясь в середине поля и отлично используя на флангах скоростников Иштояна, Заназяна, Казаряна. У ереванцев квалифицированный диспетчер – Маркаров. В игре без мяча «Арарат», без преувеличения, пока впереди остальных участников чемпионата. Я не хочу представить «Арарат» как команду без недостатков. Не скажу, что все качества, названные мной, проявляются в каждый момент каждой игры. Но они у команды есть, она их развивает, стремится к интересному по содержанию, красивому футболу, не изменяя ему в самой напряженной борьбе с опытнейшими командами».

Однако в начале второго тура «Арарат» несколько сбавил обороты, а Маркаров прекратил забивать. На его счету к тому времени было уже 97 забитых в высшей лиге мячей (из них восемьдесят восемь он забил в «Нефтянике»/«Нефтчи») и до сотни, чтобы войти в «Клуб Г. Федотова», не хватало совсем чуть-чуть. Но голы почему-то не шли. А тут еще «Нефтчи» оказался замешан в громком скандале.

Все началось 8 октября, когда в Ростове-на-Дону «Нефтчи» встречался с местным СКА. События развивались следующим образом. В середине первого тайма бакинцы повели в счете. Однако во втором тайме ростовчане сумели сравнять счет. А еще через несколько секунд хозяева забили еще один мяч. Вратарь бакинцев Крамаренко посчитал, что гол забит несправедливо, и всю злость выместил на судье Юрии Балыкине – ударил его по лицу. А когда на помощь Балыкину прибежал один из боковых судей, другой бакинец, Мирзоян... плюнул ему в лицо. Капитан «Нефтчи» Банишевский стал призывать своих товарищей немедленно покинуть поле.

Этот скандал стал поводом к разбирательству в СТК, которое прошло 22 октября. На следующий день результаты этого заседания до общественности довела все та же «Комсомольская правда». На ее страницах была опубликована заметка М. Блатина и В. Скорятина под названием «Вне игры». В ней сообщалось, что СТК приняла сразу несколько решений. Так, вратарь бакинцев Крамаренко был дисквалифицирован на 3 года (это наказание в итоге сломает карьеру вратарю, которого многие называли преемником Льва Яшина), Мирзоян за плевок в судью – до конца первого круга, а Кулиев, который в сердцах забросил ногой мяч далеко на трибуны, – на год. Но главным было не это. Было вынесено редчайшее в мире спорта наказание – снятие целой футбольной команды – «Нефтчи» – с розыгрыша первенства СССР и засчитывание ей в оставшихся трех матчах поражения. Однако на турнирном положении бакинцев это решение по большому счету практически не отразилось – 9-е место их вполне устраивало. Однако сам прецедент впечатлял. Как писала «Комсомолка»:

«Футболисты «Нефтчи» привыкли считать себя этакими «баловнями судьбы», которым, мол, дозволено и простится все. Только этим можно объяснить то вызывающее пренебрежение к спортивной этике, общепринятой морали, которое продемонстрировали в нынешнем году многие футболисты бакинской команды.

Вот почему наказание, вынесенное команде, представляется хоть и суровым, но справедливым. Думается, оно послужит серьезным предостережением для всех, кто не способен с честью нести звание советского спортсмена...»

Однако недоброжелатели «Нефтчи» рано радовались. У команды имелись весьма влиятельные покровители, или, как их тогда называли, меценаты. Главным из них был первый секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев. Позволить, чтобы его родную команду так безжалостно и публично высекли, он, естественно, не мог. Алиев позвонил в Москву и сообщил, что собственной властью наказал провинившихся игроков, однако остальные игроки «Нефтчи» в случившемся не виноваты. А посему наказание в виде снятия команды с розыгрыша несправедливо. Когда же ему попытались возразить, Алиев как бы мимоходом заметил, что решение СТК может взорвать обстановку в республике, где «Нефтчи» считается народной командой. Последний аргумент перевесил чашу весов в пользу Алиева. В итоге из ЦК КПСС последовал звонок министру спорта В. Павлову, после чего тот надавил на Федерацию футбола СССР и «Нефтчи» было позволено провести все три оставшихся игры. Почему СТК пересмотрел свое недавнее решение, СМИ так и не сообщили.

Как раз в эти самые дни Маркаров снова начал забивать голы. Прорвало его в матче с ташкентским «Пахтакором», где ереванцы выиграли 3:2, а наш герой забил два мяча. До заветной сотни остался один мяч, но дело опять застопорилось. И только 30 октября, на стадионе «Раздан» в присутствии 75 тысяч зрителей, Маркаров забил два мяча в игре против ленинградского «Зенита».

В последнем туре «Арарат» принимал московское «Динамо», выиграл 2:0 (один гол забил Маркаров, доведя количество мячей, забитых им в том сезоне, до четырнадцати) и завоевал серебряные медали чемпионата. Это был большой успех армянского футбола, весомый вклад в который внес Эдуард Маркаров, который всего лишь год назад жил и играл в республике-сопернике – Азербайджане. Правда, лучшим бомбардиром первенства ему стать было не суждено – его опередил игрок минского «Динамо», его тезка Эдуард Малофеев, забивший 16 мячей. Как написал тогда знаменитый футбольный статистик К. Есенин: «Эдуарда Маркарова обошли «на повороте в борьбе за приз «Труда» (как лучшему бомбардиру. – *Авт.*), но зато он успел раньше Малофеева забить свой сотый гол. Ни разу ему не удался хет-трик, вот уже пять лет как не удается (последний раз 19 мая 1966 года), но зато он сделал за сезон пять дублей – пять раз забил по два мяча».

А вот что по этому поводу сказал сам Э. Маркаров:

«Не только статистики колдуют над цифрами – мы, форварды, тоже внимательно следим за гонкой бомбардиров. Ведь сами же в ней и участвуем! На финише чемпионата у Малофеева было, если не ошибаюсь, мячей одиннадцать. Я забил больше и шел тогда первым. Ну, думаю, еще штуки две забить, и Эдик меня не догонит. Понимал, что и он, скорее всего, на достигнутом не остановится, но чтобы такое... В двух последних турах Малофеев наколотил пять мячей и вышел вперед – чудеса, да и только!

Сам Эдик – порядочный человек, если там что-то и было подстроено, я уверен: он лично к этому не имел никакого отношения. Мало что ли было у меня разочарований – пережил и это, тем более что наши болельщики за «серебро» благодарили нас так горячо, что в конце концов мы от них стали даже прятаться».

А теперь послушаем судью М. Рафалова:

«1971 год, последняя игра сезона. Московская бригада арбитров должна судить в Ростове матч между местным СКА и минским «Динамо». Минску очки не нужны, Ростову надо было взять хотя бы одно. Тогда он остается в высшей лиге, а вылетает отыгравший все игры «Пахтакор». Приезжаем в Ростов, смотрю: нас везут к черту на кулички – аж в Азов, в дом для спецприемов. Встречает секретарь горкома партии, от икры и рыбных деликатесов столы ломаются. На следующий день прогулка на любимом катере Брежнева – кругом красное дерево, диваны с подушками, отменная кухня. Короче, в Ростов попадаем к самой игре. А пока мы отдыхали, бригады из КГБ отлавливали по всему Ростову всех, кто хоть немного смахивал на узбека. Боялись, что Рашидов послал гонцов-перекупщиков...»

Началась игра. Ростовчане забивают два мяча. Потом гол забивает минчанин Малофеев, еще один – с углового – его товарищ по команде Юргелевич. 2:2. До конца игры остается 20 минут. Смотрю на футболистов и ничего не понимаю – все бегают, шепчутся, не игра, а совместное профсоюзное собрание. Позже я узнал, в чем было дело.

Ростовчанам нужно было очко. Когда они стали договариваться, минчане поставили условие: «Мы даем вам забить два гола, а вы два – нашему Эдуарду Малофееву. Он становится членом клуба Григория Федотова (туда включали футболистов, перешагнувших рубеж в 100 голов. – *Авт.*), а вы остаетесь в высшей лиге». На том и порешили... И тут случайный гол Юргелевича. Пришлось заново, на бегу передоговариваться: сейчас забьет Ростов, а потом Малофеев. Игра закончилась со счетом 3:3. Победила «дружба»...»

В сезоне-71 Маркаров впервые попал в список 33 лучших футболистов страны, который составлялся тренерским советом Федерации футбола СССР. Среди центральных нападающих он был третьим, хотя многие с удовольствием отдали бы ему 2-е место, которое занял центрфорвард ЦСКА Борис Копейкин.

В чемпионате СССР 1972 года «Арарат» не смог удержаться на 2-м месте и откатился на 4-е. Почему произошел откат? Причин было несколько. Например, команда понесла серьезную потерю – в автокатастрофе погиб один из лучших стопперов команды Фурман Абрамян. Кроме

этого, у отдельных игроков «Арарата» наступило головокружение от успехов. Как заявил тренер команды Н. Глебов:

«Некоторые игроки «Арарата» переоценили свой «серебряный успех». Они не до конца прочувствовали, что второе место явилось наградой за большой труд, а не было результатом каких-то выдающихся качеств. Ведь в прошлом году все футболисты пролили немало пота для того, чтобы достичь лучшей спортивной формы. Много усилий приложили они для развития футбольного мышления, весьма серьезно относились к теоретическим занятиям.

В самом начале сезона преобладало обольщение успехом. Как результат, неравномерная подготовка футболистов, хуже других подготовились те, кого приглашали в сборную. А затем после холодного душа, который обрушили на «Арарат» неудачи в кубковых матчах, команда поняла, что нельзя играть плохо. Тогда-то все и начали постепенно проявлять то же трудолюбие, что и год назад...»

Впрочем, некоторые специалисты видели причины отката «Арарата» и в действиях самого главного тренера команды. Например, за пять туров до окончания первенства ереванцы занимали 3-е место и могли побороться за «золото». Но в игре против «Днепра» Глебов внезапно посадил на скамейку запасных Маркарова, который перед этим забил гол и мог оформить дубль, а то и вовсе хет-трик. Но вместо этого был заменен. В итоге «Днепр» выиграл 3:2. После чего Глебов... вообще перестал выпускать Маркарова на поле. Результат известен – 4-е место (кстати, бакинский «Нефтчи» в том сезоне занял последнее место и вылетел из высшей лиги, чтобы вернуться туда только через пять лет – в 1977 году).

Чудачества Глебова не прошли для него бесследно – боссы «Арарата» отправили его в отставку, пригласив из Москвы другого тренера – Никиту Симоняна из московского «Спартака». Именно с ним «Арарат» и достигнет своего самого большого успеха.

Между тем для Маркарова приход нового наставника поначалу ничего хорошего не принес. Они не смогли найти общего языка (якобы футболист выдвинул какие-то требования, которые не понравились наставнику), и в итоге в первых матчах первенства-73 Маркаров не играл. И только спустя несколько игр, в домашнем матче против «Днепра» Симонян наконец решился выпустить на поле «бакинского Пеле». Да и то не по своей воле. Просто ереванцам никак не удавалось взломать оборону гостей, поэтому и пришлось прибегнуть к помощи Маркарова. Он вышел на поле на 65-й минуте, и буквально сразу после этого «Арарат» забивает гол – это сделал Андриасян. С этого момента наш герой был реабилитирован и играл во всех последующих матчах.

Так, в Алма-Ате он играл с первых минут встречи и ювелирными пасами способствовал победе над «Кайратом» – 4:1. После этой победы «Арарат» возглавил турнирную таблицу чемпионата. Так же удачно Маркаров сыграл и в матче против ташкентского «Пахтакора» 2 июня в Ереване в присутствии 45 тысяч зрителей. Именно там ему удалось забить свой первый гол в чемпионате-73 (ереванцы победили 4:0). Вот как об этом написал в «Комсомольской правде» А. Какосян: «Он (Маркаров. – *Авт.*) не только организовывал атаку, увлекал партнеров вперед, но и сам выходил на выгоднейшие ударные позиции. Ох, как он хотел забить 500-й гол «Арарата», но не получилось. Трижды он с выгоднейших позиций посылал головой мяч в ворота и трижды промахнулся, причем все решали сантиметры. А «юбилейный» – забил с одиннадцатиметрового Андриасян. Он забил и следующий пенальти и вышел в лидеры бомбардиров. Третий гол забил Эдик (на 73-й минуте), и, как всегда, сделал свое дело красиво. Он обманул вратаря, вышел на свою любимую позицию и головой забил гол. Мне почему-то кажется, что он рекордсмен по мячам, забитым головой... (не менее «головастым» был и игрок донецкого «Шахтера» Виталий Старухин – еще один герой нашей книги. – *Авт.*). Надо сказать, что Маркаров играл бы еще лучше, если бы Андриасян чаще снабжал его мячами из средней линии. Порой даже кажется, что Аркадия поразил вирус звездной болезни. Он, к примеру, хочет непременно играть центром нападения, как в сборной. Но в сборной его используют в

этом амплуа потому, что нет другого ярко выраженного центрфорварда. А в «Арарате» даже такой мастер, как Эдуард Маркаров, не является стопроцентным центром...»

Вспоминает А. Абрамян: «Эдуард Маркаров оправдывал себя в качестве центрального нападающего. Во время первых нескольких игр он отсутствовал. Позднее Симонян счел целесообразным использовать Андреасяна в качестве оттянутого нападающего. Андреасян сначала был не в лучшей форме, и ему было сложнее выполнять работу полузащитника. Когда он восстановил свою форму, то начал блистать на позиции полузащитника, а в центре стал играть Маркаров...»

А вот что вспоминает сам Э. Маркаров: «Во время первых игр чемпионата 1973 года мне никак не удавалось отличиться. У меня был товарищ, который предложил поехать в Масис, к известному знахарю, чтобы он снял с меня порчу. Мы поехали туда, но, увидев огромную очередь, я подумал, что такими темпами мы сумеем попасть к нему на прием лишь через несколько дней. Но кто-то меня узнал, знахарю сказали, что его ждет Маркаров, и он принял нас без очереди. Должен признаться, что после этого визита я наконец стал забивать, и все встало на свои места...»

Спустя месяц (15 июля) уже ташкентцы принимали у себя «Арарат» и горели желанием взять реванш. Отметим, что накануне этого матча у тренера «Арарата» Симоняна произошла трагедия – в Москве скончался его шестнадцатилетний сын, который был больным с детства. По словам второго тренера А. Кегеяна: «Симонян был в замешательстве. Отозвал меня в сторону и сказал, что должен отправиться в Москву, и попросил руководить ребятами в Ташкенте. В раздевалке перед игрой я сказал игрокам, что мы должны попытаться облегчить боль нашего тренера. Потом Симонян узнал о подобном настрое игроков и безудержно их благодарил...»

Несмотря на сильное желание ташкентцев, которых поддерживали 36 тысяч зрителей победить, ереванцы и в этот раз оказались сильнее. Вспоминает А. Абрамян:

«Перед игрой мы узнали, что умер сын Никиты Симоняна. Он отправился в Москву, а мы должны были играть в Ташкенте. Мы с ребятами решили, что должны победить любой ценой, чтобы посвятить победу памяти сына нашего тренера. Мы были очень удивлены, узнав, что Симонян в последний момент прибыл на матч, чтобы дать последние указания перед игрой. Мы не ожидали, что он будет присутствовать на матче, но он был так предан команде, что сделал это.

Победа далась нам очень тяжело, потому что арбитр судил предвзято. Оба мяча противник забил из положения вне игры. После первого тайма мы уступали со счетом 1:2, а Симонян был настолько разъярен, что в перерыве даже зашел в судейскую комнату...»

Во втором тайме ереванцы взвинтили темп, хотя сделать это было трудно – в Ташкенте стояла удушающая жара. Видимо, футболисты «Пахтакора» этого не ожидали. Как итог: Андреасян забил подряд два мяча – на 76-й и 87-й минутах. Победа «Арарата» 3:2.

После этого разрыв от ближайших преследователей ереванцев увеличился до пяти очков. Московские «Динамо» и ЦСКА, а также «Шахтер» в том туре потеряли очки. Зато вплотную к «Арарату» приблизились киевские динамовцы – главные конкуренты «Арарата» в борьбе за «золото».

Однако не менее грозным соперником был для ереванцев и московский «Спартак», который тоже имел неплохие шансы войти в тройку призеров. Не случайно матч с ними в Ереване 16 сентября был одним из самых драматичных. Он закончился победой «Арарата» 3:1 и запомнился громким скандалом. Вот как об этом вспоминает О. Заназанян:

«В сентябре к нам приехал «Спартак». Никита Павлович – насквозь спартаковец, Старостин ему как отец. Как же он переживал, что выведет команду против своего родного клуба! Но перед матчем нам на установке сказал:

– Ребята, очень вас прошу, выйдите, сыграйте достойно.

Мы уже на пятой минуте счет открыли, а где-то через полчаса игры спартаковцы сравнивают счет. Да как! В центре поля Папаев и Андреасян столкнулись и начали выяснять отношения, но судья Сергиенко игру не остановил, показал – продолжайте. И тут с трибуны кто-то свистнул. Мы все встали, а Редин мяч подхватил и забил гол.

Судья сначала его засчитал, потом с боковым посоветовался – отменил. На него сперва мы насели: как же так, свисток был. Потом спартаковцы: засчитал же гол! Свалка на поле – команда на команду. Бедный Никита Павлович выбежал, на него смотреть больно. Такой позор перед родным клубом!

Минут десять разбирались, вроде все утихомирилось. Гол все-таки засчитали. Доиграли тайм, Левон Иштоян даже гол забил.

В перерыве Симонян мне, как капитану, говорит:

– Оганес, пожалуйста, чтобы все было на высшем уровне. Играйте нормально, не заводитесь.

– Все сделаем, Никита Павлович, – отвечаю.

Тут меня вызывают в коридор, там стоит судья.

– Ребята, – говорит, – отдайте эмблему.

Оказывается, наши игроки, пока Сергиенко осаждали, оторвали с его формы эмблему арбитра. Доказывали рефери, что он с таким судейством не имеет права носить ее.

Захожу в раздевалку:

– Кто у судьи эмблему оторвал?

Никто не признается, не хотят отдавать в отместку за несправедливый гол. Смотрю на них и понимаю, что эмблема ведь крепко пришита, ее просто так не отдерешь. Нужны очень сильные руки. А у кого из футболистов сильные руки? У вратаря! Подхожу к Абрамяну:

– Алеша, отдай эмблему, не позорь Ереван!

Он неохотно откуда-то вытаскивает, отдает мне. Я ее Сергиенко вернул, и матч мы нормально доиграли, я даже гол забил...»

Отметим, что Маркаров в той игре не участвовал – сидел на скамейке запасных. Не выходил он и в нескольких следующих матчах. Однако на финальный матч Кубка СССР против киевских динамовцев 10 октября Симонян его на поле выпустил, хотя Маркаров был нездоров. Но тренер надеялся на его помощь, поскольку в пяти кубковых матчах Маркаров забил 7 голов. Он играл даже против своего родного «Нефтчи», хотя высшее руководство Азербайджана настоятельно просило не выпускать его на поле, чтобы не разжигать ненужные страсти. Но Симонян это мнение проигнорировал. И «Арарат» выиграл у «Нефтчи» оба кубковых матча – 1:0 (гол забил Маркаров) и 3:1 (один из мячей снова был на счету Маркарова). Но вернемся к финальному матчу между «Араратом» и киевским «Динамо».

Это был один из самых драматичных матчей в истории кубковых игр. Большая часть специалистов отдавали предпочтение киевлянам, которые физически выглядели более предпочтительно. Они и в чемпионате буквально наступали на пятки ереванцам, и многим казалось, что они их обязательно обойдут. Короче, большинство ставок в той кубковой игре было на стороне киевлян. Об этом говорит и следующий факт. Незадолго до игры на киевском Гознаке было сделано 300 тысяч значков с надписью «Динамо» Киев – обладатель Кубка СССР 1973». А за несколько минут до конца матча руководитель Управления футбола Спорткомитета СССР Лев Зенченко отдал приказ печатать грамоты с именем победителя – «Динамо» (Киев).

К тому моменту киевляне уже вели в матче 1:0 и, уйдя в оборону, уверенно вели дело к победе. Но ереванцы не сдавались. На 73-й минуте Симонян заменил сразу двух игроков: вместо Эдуарда Маркарова на поле вышел левый крайний нападающий Николай Казарян, который был опасен для соперников своими скоростными рейдами по флангу, а вместо полузащитника Сергея Бондаренко вышел его тезка Сергей Погосов, отличавшийся сильным ударом и тем, что всегда хорошо включался в игру, выходя на замены.

Как покажет ближайшее будущее, Симонян с этими заменами не прогадал. Чего не скажешь о тренере киевлян Валерии Лобановском, который фактически угробил свою команду. Чем именно? В самом конце игры (на 87-й минуте) он тоже решил заменить двух ключевых игроков своей команды – полузащитника Леонида Буряка и нападающего Олега Блохина, выпустив вместо них молодых футболистов Валерия Зуева и Виктора Кондратова. Это была роковая замена, поскольку спустя минуту после нее Левон Иштоян сравнивает счет. После чего назначается дополнительное время. И там киевлянам предстояло полчаса играть без своих ключевых игроков – Буряка и Блохина. В итоге на 103-й минуте «Арарат» дождал соперника – все тот же Иштоян забивает решающий гол. 2:1, и Кубок СССР достается ереванскому «Арарату». Как скажет чуть позже один из виновников этой победы – Левон Иштоян: «Много лет прошло с тех пор, но эта победа не забудется. Мы были так счастливы, что нам удалось порадовать наш народ. В конце концов, у народа было не так уж много таких мгновений. По большому счету – победа Тиграна Петросяна в 1962 году и успех «Арарата» в 1973-м...»

Судьба золотых медалей в чемпионате СССР 1973 года решилась 28 октября. В тот день киевские динамовцы уступили в Алма-Ате местному «Кайрату», а «Арарат» у себя дома обыграл ленинградский «Зенит» 3:2. Отметим, что Маркаров сыграл в этом матче ровно столько времени, сколько и в финальном кубковом, – 73 минуты. Но был одним из самых активных игроков у ереванцев, сделав дубль – забил два мяча.

А открыл счет в этой игре Заназанян – это случилось на 27-й минуте. Спустя 20 минут, в самом начале второго тайма, Маркаров удвоил разрыв в счете. Однако спустя минуту ленинградец А. Николаев сумел сократить разрыв – 2:1. А еще через четыре минуты А. Зинченко сравнял счет. Казалось, что гости перехватили инициативу и на волне душевного подъема переломят ход игры в свою пользу. И хотя эта возможная победа ничего уже не решала (чемпионами, как мы помним, досрочно стали ереванцы), однако сразу после игры в Ереване была назначена праздничная манифестация, которая должна была быть подкреплена победой «Арарата». И эту победу принес Эдуард Маркаров, который на 59-й минуте забил победный гол (его 114-й по счету гол, забитый в играх первенства СССР). В результате в опросе, проведенном еженедельником «Футбол-хоккей» среди 121 журналиста Союза для определения лучшего футболиста минувшего сезона, Маркаров замкнул пятерку сильнейших. Вошел он и в утвержденный Президиумом Федерации футбола СССР список 33 лучших футболистов сезона 1973 года. На этот раз его назвали вторым среди центральных нападающих страны.

Увы, но повторить свой успех в следующем сезоне ни «Арарату», ни Маркарову уже не удалось – ереванцы в сезоне-74 заняли лишь 5-е место, отстав от чемпиона – киевских динамовцев – на 8 очков (32 против 40). По словам самого Э. Маркарова: «Категорично утверждать, что мы могли бы взять «золото» еще раз, не буду, но в тройке, по-моему, вполне быть могли. К сожалению, после чемпионского сезона мы немного зазнались. Стали допускать больше вольностей в игре. Это не могло не сказаться на положении команды...»

В чемпионате-74 Маркаров забил пять голов. Первые два – в ворота ЦСКА, один из них – в падении с лету. Остальные три мяча в ворота московского «Динамо», «Зари» и ЦСКА (во втором круге) Маркаров забил головой (некоторые статистики утверждают, что головой Маркаров забил в «Арарате» не менее 50 % голов). Голов могло бы быть и больше, если бы не травмы. В матче первого круга с «Зарей» Маркарова так «подковали», что он вынужден был пропустить пять календарных игр. Четыре матча Маркаров пропустил и после травмы, полученной в первом матче с ирландским «Селтиком» в одной восьмой финала Кубка чемпионов. А ведь до этого в двух играх с норвежским «Викингом» он забил 5 голов: два в первом (2:0) и три во втором (4:2). Что касается «Селтика», то его «Арарат» обыграл дважды – 2:1 и 5:0. Но в одной четвертой финала ереванцы «споткнулись» о «Баварию» (0:2, 1:0).

В сезон-75 «Арарат» вступил с новым тренером – вместо Никиты Симоняна, который ушел из-за разногласий с игроками и руководством клуба, пришел Виктор Маслов (в 1966–

1968 годах он трижды приводил к чемпионству киевских динамовцев). Однако проделать то же самое с «Араратом» у опытного наставника не получилось – ереванцы снова заняли лишь 5-е место, хотя первый круг закончили вторыми. Они тогда сделали мощный рывок – выиграли подряд восемь матчей. И почти в каждом из них Маркаров забивал по голу. Как писал тогда бывший наставник ереванцев Н. Симонян: «Продолжают играть ведущую роль в «Арарате» Маркаров и Андриасян. Они сами тонко и разумно действуют на поле и умело направляют своих партнеров».

А вот что написал главный футбольный статистик К. Есенин: «Все минувшие четыре года единственным нарушителем спокойствия был «последний из могикан» Эдуард Маркаров. После 1973 года он взобрался на десятую ступень «Клуба 100», после 1973-го – на восьмую, а в минувшем сезоне – на пятую...»

В чемпионате-75 Маркаров забил 10 голов плюс 5 в играх Кубка чемпионов. Но самый важный гол наш герой забил в финальной игре на Кубок СССР, где «Арарат» встречался с ворошиловградской «Зарей». К концу первого тайма счет был ничейным, 1:1, и именно гол Маркарова, забитый на 43-й минуте, принес ереванцам победу – 2:1. И «Арарат» во второй раз стал обладателем почетного трофея.

Между тем это был последний сезон Маркарова в футболе – после него он повесил бутсы на гвоздь. Как заметил он сам: «Теперь хочу поработать с детьми в футбольной школе. Пожить дома, без этих непрерывных разъездов. 15 лет ведь виделся с семьей урывками. С нетерпением жду спокойных домашних вечеров. И с таким же нетерпением – утренних свиданий с юными футболистами. Вот проверю, в какой степени можно им передать техническое умение, какую роль играют показ и подсказ, до какого возраста они наиболее восприимчивы. По-моему, это необходимо знать. А потом... потом хочется попробовать себя тренером команды мастеров...»

Статистика по забитым голам у Маркарова выглядит следующим образом:

«Нефтяник»/«Нефтчи»: чемпионаты СССР – 88 голов; матчи на Кубок СССР – 6; международные товарищеские встречи – 31. ИТОГО: 125 гола.

«Арарат»: чемпионаты СССР – 41 гол; матчи на Кубок СССР – 10; матчи еврокубков – 12; международные товарищеские встречи – 14. ИТОГО: 77 голов.

Он трижды входил в список 33 лучших футболистов страны: № 2 (1973), № 3 (1971, 1975).

Выступая в составе советской сборной (1966–1968), Маркаров забил пять голов, а всего на его счету оказалось 207 забитых мячей.

В «Футбольной энциклопедии» про него написано следующее: «Быстрый, ловкий и техничный, хорошо открывался для получения мяча, отлично выбирал позицию для завершения атаки, умело взаимодействовал с партнерами. Обладал диспетчерскими способностями, которые проявлялись по мере обретения игрового опыта и особенно ярко в «Арарате». При обводке использовал обманные движения корпусом, хорошо владел ударами с разворота и в падении через себя...»

В 1976–1977 годах Маркаров был главным тренером «Арарата», но под его руководством команда выступала весьма неровно. Так, в весеннем розыгрыше чемпионата СССР 1976 года она взяла «серебро», а в осеннем едва не вылетела из высшей лиги, заняв 14-е место. В сезоне-77 ереванцы снова оказались внизу турнирной таблицы – на 11-м месте. Это стало поводом к отставке Маркарова. Впрочем, «Арарат» в те годы, пережив смену поколений, уже перестал быть грозой авторитетов.

Что касается Маркарова, то он в конце 70-х уедет в Алжир, где будет тренировать местные команды вплоть до 1982 года. Затем вернется в Армению и станет вторым тренером «Арарата» (1984–1985). Но это были не лучшие годы команды: она займет 11-е (1984) и 13-е (1985) места в чемпионате СССР.

В конце 80-х Маркаров будет назначен главным тренером юношеской сборной СССР. И на этом поприще вновь ощутит радость победы: его подопечные станут победителями молодежного чемпионата Европы 1990 года, а спустя год завоюют «бронзу» на чемпионате мира.

В 1992 году в Армении был проведен опрос, который должен был выявить лучшего футболиста республики за все годы. В итоге 1-е место в нем занял Эдуард Маркаров.

В 1997 году, возглавляя клуб «Эрбуни», Маркаров привел команду к серебряным медалям чемпионата Армении. А на данный момент он является главным тренером команды «Мика», с которой дважды (в 2000–2001 годах) выиграл Кубок Армении.

Правдоруб из «Спартака» Евгений Ловчев, «Спартак», Москва

Евгений Ловчев родился 29 января 1949 года в поселке Крюково Московской области (том самом, что воспет в песне ВИА «Самоцветы» – в сорок первом там погибал взвод) в семье, которая не имела никакого отношения к спорту. Однако, как и большинство его сверстников, Евгений с детства стал заниматься разными видами спорта – от баскетбола до лыж. Но более всего он любил футбол, азы которого он сначала постигал в дворовых соревнованиях, а потом, летом 1961 года, узнав о том, что на Ширяевом поле (Сокольники) в Москве тренируются спартаковские мальчишки, он записался в спортивную секцию рядом с этой площадкой. Однако первое время тренер не хотел выпускать его на поле, поскольку не был уверен в том, что мальчишка надолго задержится в секции, – слишком далеко он жил. В один из таких моментов Ловчев даже расплакался. После этого тренер сжалился над ним и выпустил на поле. Но затем спартаковские ребята уехали на лето в Тарасовку, а Ловчева, как не зачисленного еще в команду, оставили дома. Но поскольку без футбола Евгений своей жизни уже не мыслил, он спустя какое-то время записался в новую секцию – на стадионе «Буревестник», что в Самарском переулке (на этом месте теперь стоит спортивный комплекс «Олимпийский»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.